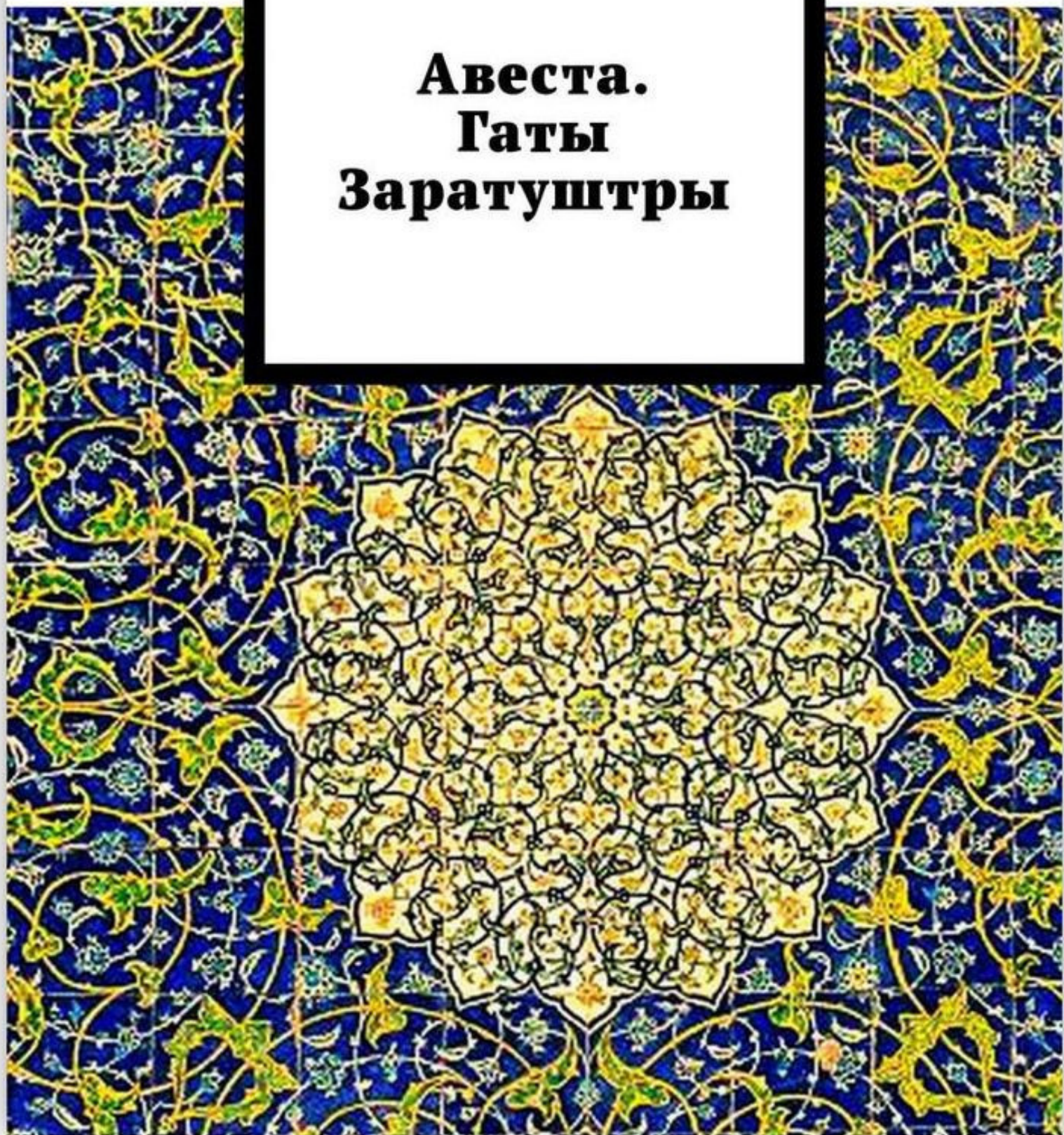

18+

**Авеста.
Гаты
Заратуштры**

Алексей Виноградов

Авеста. Гаты Заратуштры

«Издательские решения»

Виноградов А. Г.

Авеста. Гаты Заратуштры / А. Г. Виноградов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590231-3

«Гаты» («песнопения») наиболее значимая и почитаемая часть «Авесты», представляющая собой 17 поэтических гимнов пророка Заратуштры, обращённых Ахура Мазде. Гимны включены в виде отдельных глав в состав авестийской книги «Ясна». В собрание входит «Ясна Хаптангхаити», сходная с «Гатами» архаичностью языка, однако отличающаяся отсутствием пророческих мотивов. Эти гимны вместе с тремя, считающимися особенно священными молитвами, принадлежат к самым древним частям «Авесты».

ISBN 978-5-00-590231-3

© Виноградов А. Г.
© Издательские решения

Содержание

АВЕСТА	6
Вступление	6
Л. Х. Миллс о Гатах	8
Гата (А) Ахунаваити (о). The Gatha (a) Ahunavaiti (i)	8
Гата (а) Уставаити (о). The Gatha (a) Ustavaiti (i)	8
Гата (а) Спента Майнью (Спентамайню (у)). The Gatha (a) Spenta Mainyu (Spentamainyu (u))	9
Гата (а) Воху Кхшатрем (Вохукшатра (а)). The Gatha (a) Vohu Khsha Hatrem (Vohukhashathra (a))	10
Гата (а) Вахиста Истис (Вахистаисти (о)). The Gatha (a) Vahista Istis (Vahistoisti (i))	10
Содержание Гат	11
Гата Ахунаваити Ясна 28	11
Ясна 29	12
Ясна 30	14
Ясна 31	16
Ясна 32	18
Ясна 33	19
Ясна 34	21
Ясна 35—42	23
Ясна 43	23
Ясна 44	25
Ясна 45	28
Ясна 46	29
Гата Спента Майнью	32
Ясна 48	33
Ясна 49	34
Ясна 50	35
Гата Воху Кхшатрем	36
Ясна 52	38
Гата Вахиста Истис	38
Ясна 54	39
Гаты. The Gathas. (Ясна 28—34, 43—51, 53)	40
Гата Ахунаваити. The Gatha Ayunavaiti	40
Молитвы, главное о благодати и о словах откровения.	40
Prayers chiefly for grace and for the words of revelation.	
Ясна 28	
Вой Коровы. Зов Заратустры. Его молитва о помощи. The wail of the Kine. The call of Zarathustra. His prayer for aid. Ясна 29	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Авеста. Гаты Заратуштры

Переводчик Алексей Германович Виноградов

© Алексей Германович Виноградов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0059-0231-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВЕСТА ГАТА Слова Заратуштры

Вступление

Настоящая книга содержит перевод «Гат» Заратуштры на русский язык.

При переводе использовался как английский и немецкие тексты «Авесты», так и авестийский текст. Имена собственные даны как в русском, так и латинском написании, с тем, чтобы исследователи имели возможность легче найти по ним зарубежные материалы. Авестийский текст передан в русской транскрипции по причине отсутствия у ираноязычных народов письменности на латинском алфавите и наличия на русском.

При переводе «Гат» следует заметить, что имеющиеся варианты текстов на английском (J. H. Moulton. 1913) и немецком языке (F. Spiegel. 1856., C. Bartholomae. 1879), относящиеся к разным первоисточникам. Французский текст (Harlez. 1875) отличается по размещению и числу глав. От текста принятого за основной (L. H. Mills. 1887) отличается также текст на пехлеви и санскритский перевод (Нерьюсанг). Перевод «Гат» на русский язык осуществлен И. М. Стеблин-Каменским в 2009 году. Издание не приводит принципиальных разночтений и вариантов текста. В тоже время перевод отличается высокими литературными качествами.

«Гаты» («песнопения») наиболее значимая и почитаемая часть «Авесты», представляющая собой 17 поэтических гимнов пророка Заратуштры, обращённых Ахура Мазде. Гимны включены в виде отдельных глав в состав авестийской книги «Ясна». Каждый гимн «Гат» занимает отдельную главу «Ясны» (hāiti): 28—34, 43—51, 53. В структуре «Ясны» текст «Гат» предваряется тремя молитвенными формулами: «Ахуна Ваирья», «Ашем Воху» и «Йенгхе-хатам» (27), а также вступительным посвящением Амешаспандам (28). На языке «Гат» также написана «Ясна» 12. В конце «Гаты» завершаются молитвенной формулой «Аирьяман» (54). В середину собрания гимнов вставлена «Ясна Хаптангхаити» (35—42), сходная с «Гатами» архаичностью языка, однако отличающаяся отсутствием пророческих мотивов.

Эти гимны вместе с тремя, считающимися особенно священными молитвами, принадлежат к самым древним составным элементам «Авесты». Они резко отличаются от прочего текста не только содержанием и метрической формой, но и языком, носящим название «диалекта Гат». На этом диалекте написаны, уже позже, и некоторые другие части «Авесты» (в книге «Ясна»). Язык «Гат» древнее языка «Ясны», долгое время они передавались изустно и были записаны в период, когда язык был уже мертвым. Средним временем возникновения этих древнеиранских гимнов можно считать 1000 г. д. н.э.

Зороастрийская традиция говорит о «Пяти Гатах», под которыми подразумеваются пять последовательных групп, в которых гимны объединены на основании стихотворного размера и содержания. Первая из пяти «Гат» названа по предваряющей молитве «Ахуна Ваирья», имеющей тот же размер и стиль. Последующие четыре по первым словам соответствующей группы гимнов.

Ахунаваити Гата («Гата Ахуна Ваирьи») 7 гимнов (28—34), 100 строф по три стиха. Уштаваити Гата («Гата блаженства») 4 гимна (43—46), 66 строф по 5 стихов. Спента Маинью Гата («Гата Святого Духа») 4 гимна (47—50), 41 строфа по 4 стиха. Вохухшатра Гата («Гата благой власти») 1 гимн (51), 22 строфы по 3 стиха. Вахиштоишти Гата («Гата наилучшего стремления») 1 гимн (53), 9 строф по 4 стиха.

Согласно пехлевийской книге «Шаяст-на-шаяст», «Гаты» без предваряющих формул, но, включая «Ясну Хаптангхаити», содержат 278 строф, 1016 стихов и 5567 слов, что соответствует действительности. Маловероятно, что пехлевийские мобеды занимались пересчётом строф, строк и слов, возможно, они переписали эти числа с одного из утраченных дополнений к «Авесте».

Л. Х. Миллс о Гатах

Пять «Гат» (Gâthas) Заратуштры и его непосредственных последователей помещены отдельно от «Ясны» (Yasna) по причине большей древности. Рядом с ними веками не существовало никакой другой «Ясны».

Более примечательным обстоятельством, связанным с «Гатами», было то, что они, несомненно, являются произведениями небольшой группы влиятельных людей, которые упоминаются в них большей частью по именам; что Заратустра, здесь – борющийся и страдающий человек. Он пророк или назначенный Богом наставник, но вполне человеческий и настоящий.

Можно подчеркнуть их исторический тон. Их доктрины и увещевания касаются реального движения, происходящего одновременно с их сочинением; и это движение было исключительно чистым и самым искренним. Поэтому их тон везде серьезен. Почти все мифы отбрасываются, и точно так же, как, возможно, их наиболее поразительная особенность, даже древние арийские боги, вновь появляющиеся в более поздних «Ясне», «Вендидаде» и «Ясте», за исключением одного, полностью отсутствуют.

Что касается притязаний на высокое положение среди древнего нравственного учения, то читатель может свободно полагаться на впечатление, что перед ним антология, составленная, вероятно, с таким же горячим желанием принести пользу духовному характеру тех, к кому оно было обращено, что мир еще не видел. Более того, он может предварительно согласиться с мнением, что нигде больше нельзя найти таких следов разумной серьезности веры, как в период «Гат».

Что касается их философской глубины; везде, где теософские концепции облечены в слова, свидетельство их понимания и субъективности становится положительным. Поскольку объем документов неизбежно производит определенное впечатление на исследователя, не следует забывать, что «Гаты» были, по всей вероятности, во много раз более объемистыми, чем те фрагменты, которые дошли до нас. Историк может рассуждать от того, что сохранилось, к тому, что когда-то существовало, и неизбежный вывод напрашивается сам собой.

Гата (А) Ахунавайти (о). The Gatha (a) Ahunavaiti (i)

Эта «Гата», состоящая из семи глав «Ясны» (28—34), получила свое название из-за сходства ее размера с формулой Ахуна-вайры (Ahuna-vairya), которая также встречается перед ней в «Ясне». Она состоит из однородного материала, но поскольку ее материал также однороден с материалом других «Гат», она, вероятно, обязана своим существованием форме стихотворных размеров. Ее строки должны состоять из шестнадцати слогов, и объединены в строфы по три. Все это очень древнее и, вероятно, исходит от самого Заратуштры (Zarathustra), хотя некоторые части, кажется, вложены в уста его непосредственных сподвижников и учеников. Существовали ли в ближайшем окружении мудреца люди, способные без посторонней помощи сочинять подобные гимны, это, конечно, вопрос; но то, что некоторые из них смогли составить их материал под его руководством или вдохновением, кажется несомненным.

Гата (а) Уставайти (о). The Gatha (a) Ustavaiti (i)

Эта «Гата», состоящая из глав «Ясны» 43—46, названа от слова, с которого она начинается. Тот факт, что слово «уста» имеет особое значение, возможно, повлиял на умы парсов более позднего времени, побудив их связать эту первую главу со счастливыми предвкушениями. «Гата», существует как единое целое по природе своего стихотворного размера.

В ней есть строки, из одиннадцати слогов, сгруппированные в строфы по пять. Казалось удобным петь все гимны одного размера вместе.

Естественно возникает вопрос, является ли эта «Гата» в ее частях или в целом, более старшей, чем «Ахунавати» и другие. Если их изначально сгруппировать в порядке их возраста, они легко могут быть переставлены для целей литургического чтения. Что касается присутствующих размеров, то они не дают указаний на относительный возраст. Размер «уставайти», приближаясь к «триштупу», может быть таким же старым, как и размер «ахунавати», или даже старше его. В «Триштупе» пели старейшие риши. Единственным оставшимся критерием относительного возраста предметов является их содержимое. Являются ли те из «ахунаваитов» приоритетом перед «уставаитами» в отношении конкретных обстоятельств, о которых они говорят? Насколько можно судить, ни одна часть «Ахунавати» не старше «Ясны» 46. Автор, человек в тот период его жизни, когда он еще не достиг своего высшего положения. Он не только сокрушается о неблагоприятных перспективах своего дела, но и полон яростной враждебности, призывая своих сторонников к свержению како-то могучего противостоящего вождя и предвидя вооруженную борьбу столь грозную, что ее сторонники упоминаются в других местах как «хозяева». Также видим, как он увещевает различных вождей своей партии, поскольку они, очевидно, стоят перед ним в каком-то большом собрании, возможно, как армия накануне важного сражения.

Он тесно связан с монархом, со своими родами, Спитамами и Хвогвами, которых представляет Фрашаостра. Он предлагает награды Ахуры, когда произносит свои угрозы и осуждения. Каждая черта несет сильнейшее свидетельство оригинальности. Но разве не то же самое в «Гатах Ахунавати», «Спента-майню» и других?

Те отрывки, которые выражают горе, страх и страстное негодование, естественно, должны относиться к Заратустре лично и к более ранней части его карьеры; нельзя провести различия между такими отрывками, когда они встречаются в «Ахунавати», «Уставайти» или где-либо еще. Что касается главы 29 с ее логическим началом, как выражения страданий, которые должны быть излечены во всем усилении, вместе с призывом Заратустры в непосредственной связи, и главы 30 с ее теософскими утверждениями, то должны сказать, что они были составлены позже, во время период успеха и размышлений. Но это будет просто предположение. Время мудреца не обязательно было потрачено на борьбу даже в первые годы его карьеры.

Глава 53, кажется, относится к периоду зрелого возраста, но не обязательно к периоду преклонного возраста. Заратустра празднует брак дочери, но девушки рано выходили замуж. За исключением «Ясны» 53, мало что, вообще имеет, отношение к решению вопроса об ее относительном возрасте.

Гата (а) Спента Майню (Спентамайню (у)). The Gatha (a) Spenta Mainyu (Spentamainyu (u))

Эта «Гата», состоящая из «Ясны» 47—50, получила свое название от начальных слов. Подобно другим «Гатам», она обязана своим существованием как собрание природе своего размера, поскольку его материя однородна с материей других. Можно сказать, что его размер — «Триштуп», поскольку его строки состоят из одиннадцати слогов и состоят из четырех строф. Группировка гимнов в этой «Гате», как обычно, мало или совсем не связана с вопросом об их относительном возрасте.

Гата (а) Воху Кхшатрем (Вохукшатра (а)). The Gatha (a) Vohu Khsha Hatrem (Vohukhashathra (a))

Эта «Гата» состоит из единственной главы 51. Вряд ли имеем здесь непрерывное целое. Мысли хорошо гармонируют.

Гата (а) Вахиста Истис (Вахистаисти (о)). The Gatha (a) Vahista Istis (Vahistoisti (i))

Эта «Гата», названная по ее первым словам, состоит из главы 53 «Ясны». Хотя ее содержание однородно с содержанием других «Гат», в ней есть некоторые свидетельства того, что она было составлена в последний период жизни Заратустры. Как обычно, она отделена от других «Гат» своим размером. В основе композиции лежит брачная песня. Стиль во всем отличается свежестью и энергией и указывает на влияние Заратуштры, если не на авторство. То, что Заратустра говорит не от первого лица, не имеет никакого значения в этом вопросе. Глава, конечно, не является целой; но это вполне может быть целое, из которого выпали части. Брачное празднество ребенка Заратустры должно было быть, хотя и непреднамеренно, политическим поводом, и автор так же естественно высказался по поводу борьбы, которая все еще продолжалась.

Содержание Гат

Гата Ахунаваити Ясна 28

1—2. Заратустра, приняв на себя обязанности своего служения, сочиняет литургию для употребления некоторыми из своих наиболее выдающихся коллег, возможно, для первоначального усилия всего движения (см. выражения «Заратустре и нам», «Вистапе и мне», «Фраша-остре и мне»). Этот чтец, представлен стоящим на подобающем месте в образе жреца с руками, протянутыми к Ахуре, или Его Огню, и молящимся о обладании духовными милостями из бескорыстных побуждений и для того, чтобы утолить горе Коровьей Души, для облегчения которой только что был назначен Заратустра.

3. Он обращается к Ахура Мазде, духовно вдохновленный Благим Разумом, как он заявляет, и прося о достижениях и благах как для телесной, так и для духовной жизни, происходящих от Праведности, посредством чего эта олицетворенная Праведность могла бы привести избранных в блаженное состояние.

4. Личность Амешоспендов (Ameshôspends) снова сильно проявляется, как это часто бывает в поклонении, в обращениях, в которых Праведность (Asha), Добрый Разум (Vohu Manah), активная Сила Божественной Власти (Khshathra) и Практическое Благочестие в душах верующих (Âgamaiti), просят прийти, как это часто бывает с ведическими богами, на мольбы просящего и на помощь ему в самом акте поклонения, который признан единственным действенным средством. для продвижения дела искупления, которое всегда находится в поле зрения.

5. Как тот, кто отдал свою душу небесам и хотел бы на собственном опыте познать благословенные награды, даруемые святыми обрядовыми и моральными действиями, предписанными Ахура Маздой, чтец заявляет, что он будет учить в стремлении распространять святой порядок веры, и одержим одним желанием его увеличения, пока будут силы.

6. С благочестием столь же пылким, сколь и глубоким, и говоря с большой искренностью, он просит Праведности, как личности, когда увидит ее, полностью познавшего Благой Разум Бога, путь, ведущий к Нему, и прежде всего с Послушанием. Но хотя он обращается к этим возвышенным абстракциям как к личностям, совершенно невозможно предположить, что он не говорил в глубочайшем значении слов, выражающих состояния ума и качества характера: «О ты, Божественный Праведный Порядок! когда я увижу Тебя, как бы присутствующего в моей собственной душе и в тех из людей, которых Ахура вверил мне на попечение? Когда я узнаю, что Божественное Милосердие стало единым с расположением моего собрания? Когда же я овладею знанием того единственного пути к нашему самому щедрому Ахуре, который есть не только ангел Сраоша, но и тот ангел, истолкованный как «Повиновение Ахуре». Нельзя сильно преувеличивать религиозную глубину или субъективность, суеверие могло держаться рядом с самым истинным благочестием. Он восклицает (если третья строка действительно была составлена им так, как она дошла до нас): «С помощью такой молитвы, как заклинание Матры, мы можем с величайшей силой отогнать нечистых зверей и существ, которые оскверняют нашу святость или угрожают нашей жизни».

7. Непосредственно ссылаясь на это откровение, он еще раз умоляет Ахуру «прийти с Его добрым разумом» и даровать не добычу и даже не богатство, а «аша-дары» и (как подателя праведности) долгую жизнь и могучей духовной благодати ведущему Заратустре (по всей вероятности, составителю раздела), и себе, жрецу с его помощниками, чтобы не плотскими орудиями, а своими «высокими и святыми словами» все вместе они могут преодолеть мучения

врагов, опустошавших поселения и все еще способных сокрушить верующих своими набегами и грабежами.

8. С намеренной и интересной аллитерацией он молит Ашу об «Аши»; то есть благословение, даже усердно достигаемое к дарам великой Благости Арамаити также становится предметом его прощения вместе с Ахурой; и на этот раз для пользы Вистаспы (Vistâspa), монарха, и для него самого, чтобы они могли услышать милостивого Матру (Māthras), который действительно является сутью всего произведения.

9. Он дает ранний пример риторики и заполняет одну строку тремя «вахистами», молящимися Ахуре, как единомышленникам с Ашей (здесь, впервые в «Авесте», названной «лучшей»), чтобы даровать такое же благословение; и на этот раз снова с намеренной заменой: «себе и Фрашаостре»; и не для этого мира, а для «всего времени Благого Разума», употребляя выражение в его конкретном смысле, как нёбо; ибо небо для него состояло во внутреннем состоянии. (Так же и в других местах «Авесты», даже там, где нёбо и обонятельный нерв являются посредниками блаженства или пытки, там одинаково заметна умиротворяющая речь, с одной стороны, или «гнусная речь», подчеркнутая тончайшей иронией, с другой. Это ум в основном наслаждается или страдает.)

10. Глубоко осознавая духовные блага, о которых просит, он, кажется, тронут благодарностью. Соответственно, он добавляет еще одно прошение, а именно, чтобы он и его помощники, трое только что упомянутых, никогда не могли прогневить снисходительное милосердие, которое удовлетворило их просьбу; и чтобы они продолжали, как и начали, упорное служение Ахуре, Аше и Воху Манаху. Ибо, как он заявляет, их легко уговорить, и они являются существами, которые желают даровать духовные благословения смертным, а не проявлять просто капризную благосклонность или жестокость, и которые также обладают силой привести свою благосклонность в действие.

11. Словно не желая доверять собственному восприятию своих духовных потребностей, он молит Ахуру «наполнить его желание» не тем, что он, чтец, может просить в частности, но тем, что Он, Ахура, знает, что было дарами Праведности и божественной Доброты. И эти дары опять-таки в основном являются святым откровением, ибо он знает, поэтому искренне заявляет, что слова этих трех могущественных никогда не будут недействительными и будут поддержкой, действительно способной исполнить его желания, дающей ему больше, чем он сам мог спросить благодати.

12. Добавляя, стих за стихом, чтобы усилить пыл своей просьбы, он суммирует все в заключительном выражении, столь же замечательном своей серьезностью, как и своей глубиной, и умоляет Ахуру, как того, кто навеки устремлен к в защиту Праведного Порядка и Доброго Разума (чьему священному влиянию, как он точно предвидел, было суждено длиться веками), сказать ему Своим «голосом духа», чтобы он мог объявить ожидающим массам, законы, которые пронизывают нравственную вселенную, и согласно которым она возникла. Ибо в соответствии с этими святыми принципами и только так он мог провозгласить систему, которая могла бы избавить общество от его несовершенства, а святого от страданий. Следует отметить, что Ахура, единственный, к кому обращаются в этом завершающем стихе, слышит и отвечает откровением об этих вечных принципах. Благодаря тщательному пониманию этого наиболее важного документа можем увидеть, как он достиг своей цели, о чем свидетельствуют способности и потребности тех, кому он был адресован, и как, отличая правду от лжи, он помог в защите Аша, и основанию истинной Доброты.

Ясна 29

Эта глава, вторая в рукописях «Гаты Ахунавати», помещена здесь в более естественном порядке. Его можно рассматривать как содержащую «termus a quo» божественного открове-

ния. Душа коров, представляющая стада святого народа, их единственное средство достойного существования, возвышает свой голос и, выражая глубочайшие нужды страдающего народа, с горечью обращается к Ахуре и Его Божественному Порядку Аше.

1. Вспоминая другой и более поздний «стон творения», она вопрошает, для чего и для кого она была создана, так как скорби окружают ее; а поскольку ее существованию, угрожали как неустроения, вызванные постоянными тревогами, так и вторжения хищных соседей, она умоляет Щедрых Бессмертных научить ее преимуществам земледелия и утвердить ее защитников в этом, как единственном средстве против зла, на которое она жалуется.

2. Ахура отвечает вопросом к Аше, олицетворенному Праведному Порядку, о том, какого опекуна он назначил, чтобы отразить обрушившуюся на нее ярость, намекая, что изначально над ней должен был быть поставлен какой-то вождь, который отвратил бы ее невзгоды, обучая свой народ земледелию, пастырским навыкам и отражая разрушительные набеги.

3. Аша отвечает, что ее страдания были неизбежны, что нельзя было назначить начальника, который мог бы предотвратить их, поскольку никто сам не был лишен своей доли несправедливости и страстного негодования. Он не мог ответить, почему это так. Вопрос, связанный с неразрешимой проблемой происхождения зла, лежал в основе тех влияний, которые двигают звезды судьбы; что откровение, даваемое Рату, предназначалось для решения этих проблем, поскольку на них можно было ответить, и что, следовательно, все, кто вступал в активные предприятия, находились в процессе приближения, не Аша, но сам Мазда, который был величайшим из существ и один мог ответить на их молитвы и вопросы.

4. Заратустра, поэтически присутствующий, здесь вмешивается, чтобы подтвердить почтение, только что возданное Ашей. Он объявляет Ахура Мазду самым внимательным из всех ранее явленных утверждений и указаний, произнесенных им самим и осуществленных в действиях как богов и их врагов демонов, так и добрых или злых людей. Говорят также, что он полностью осведомлен о том, что они будут делать в будущем, и различает добро и зло как непогрешимый судья, наделяя нас всей нашей судьбой в будущих страданиях или наградах.

5. Обращаясь к Ахуре и Аше и соединяясь с Душой Коровы в ее мольбе, он вопрошает Мазду в своем сомнении, а не в мирной доверчивости, как позже во впечатляющем гимне, каждый стих которого начинается словами: «Этого я прошу у Тебя. Хорошо, Ахура! скажи-ка!» но, осуждая от себя и от Коров, надвигающееся разрушение, которое как он видит, справедливо обрушится на нечестивых, поскольку их постигнет избирательная месть, признанная атрибутом Ахуры.

6. Наконец Ахура, показывая намерение Своих вопросов, сам отвечает на них; ни один регулирующий владыка, полностью сочувствующий Праведному Порядку, еще не был обнаружен, но Он Сам сделает выбор. Поэтому он заявляет, что торжественно назначает на эту должность Заратустру. И Заратустра, вдохновленный Своим Благим Разумом и ведомый Своей праведностью, совершит больше, чем это было сделано до сих пор, чтобы сплотить общину и утвердить добродетельную политику на желаемой основе обучения и защиты.

7. Заратустра слушает беседу между Божеством, Душой Коровы, и Ашей, Праведным Порядком, и другие Бессмертные, кроме Аши, присоединяются, как если бы только что назначенное свидание не было услышано или было невероятным. Утверждается, что Мазда действительно явил священное Слово Разума в гармонии с согласившейся Праведностью и снабдил пищей Коров и других нуждающихся, но кто был в достаточной мере наделен Добрым Разумом, кто мог провозглашать эту Матру? с указаниями относительно поддержания как тела, так и духа?

8. Ахура повторяет свое заявление о Заратустре, как бы для того, чтобы заглушить возражения. Как только Заратустра слышал учения от голоса вдохновения, так он желал провозглашать их и имел на это власть, вместе с твердой позицией такого характера, чтобы сделать его заявления ощутимыми.

9. Но возникает неожиданная трудность. Коровья Душа никоим образом не впечатлена личностью человека, выбранного в качестве ее опекуна. Так что Заратустра далеко не полубог других частей «Авесты», заявления Заратустры характеризуются ею как «голос малодушного человека», тогда как она, напротив, ожидала истинно царственного по своему положению и характеристикам, способного осуществить ее желания, в то время как Щедрые Бессмертные (или сопровождающие их вожди), как будто они хотели, чтобы их вопрос был произнесен просто из недоумения или пренебрежения, присоединяются к ней хором, спрашивая, когда будет предоставлен действительно действенный помощник.

10. Заратустра, не испугавшись холодности своего приема, сразу же приступает к своим обязанностям жреца и пророка, моля Ахуру за народ; и признавая имена «Бессмертных», Кхшатра, Аша и Воху Манах, в их первоначальном значении, просит Ахуру даровать людям, находящимся в затруднительном положении, Самостоятельную Власть, установленную в Божественном Порядке и даруя необходимый покой и счастье, которых желали страдающие провинции, представленные Душой Коровы в ее стенаниях. И когда он молится, он заявляет о своей непоколебимой уверенности в Ахуре, а не в Даевах, как в главном обладателе и подателе благословений.

11. Затем, словно желая получить полное снаряжение на месте, он не только умоляет о Праведном Порядке, Царской Силе Бога и Его Добром Разуме для масс, представленных Коровами, но спрашивает, когда они торопясь придут к нему; и он умоляет Ахуру немедленно оказать Свою помощь для великого дела и в очень сильной степени себе и своим соратникам. (Удивительно, что имя Арамаити не встречается в этом разделе.)

Ясна 30

1. Привыкший наставлять массы, стекающиеся к нему на общественных мероприятиях в поисках света, пророк сочиняет этот гимн для подобных случаев. Он говорит, что провозгласит замыслы Божии, под которыми, как мы видим, понимает великие учения о происхождении добра и зла. С ними он объявит также восхваления, хвалебные части Матры и жертвоприношения. И он молится, чтобы благоприятные результаты можно было различить в небесных телах.

2. Далее он вводит то, что он должен сказать, говоря толпе перед ним, что наступает решающий момент. Они должны выбирать свою веру, и не глупым решением толпы путем совместного восклицания, а человек за человеком, каждый сам за себя. Поэтому они должны возбудиться и слушать со всем вниманием, и созерцать святой Огонь с добрым и восприимчивым расположением ума.

3. Затем он приводит самое раннее дошедшее до нас утверждение о дуализме. Было два первоначальных духа, и называются они, как следует заметить, не двумя лицами или, по крайней мере, не только двумя лицами, а лучшей вещью, или порядком, и худшей. В следующем предложении они персонифицируются, каждый самостоятельный в своих мыслях, словах и делах. Такова краткая Теодицея, за которой сразу следует увещание тем, кто был до него, выбирать лучшее.

4. Эти два духа соединились, чтобы создать противоположные явления жизни и ее отсутствия, Неба и Ада. И Ад описывается не как сцена жестокости, причиняемой невинным и невежественным, а как «наихудшая жизнь», а Небеса – как столь же далекие от суеверного рая; то есть как «лучшее психическое состояние». Это истинное творение Заратустры. Он бесспорно «абстрактен», очень, и именно в той мере, в какой ему не хватает цвета и мифа, видны его глубины. Но нельзя забывать, что вместо одного гимна, подобного этому, их было много. Две первоначальные силы или существа, хотя и четко разделены, объединяются; но они не теряют своего отличия. Их различие остается столь же очевидным, как и их союз.

5. Они не смешиваются до неузнаваемости; ибо, создав два принципа, они избрали каждый свою особую сферу. Ахура выбирает праведный порядок веры, а вместе с ним и благочестивых всех возрастов. Злой дух выбирает нечестивых. Суть и смысл всей доктрины в том, что добрый Бог не может нести ответственность за постоянное зло; что несовершенство и страдание изначальны, присущи природе вещей и таковы постоянно. Поглощение греха и печали высшим счастьем относится к более позднему периоду. Зло было делом независимого существа. Великий мыслитель понял свою точку зрения; и дело было в том, что Само Божество не могло предотвратить развитие низменных и отвратительных нравственных качеств с их последующими страданиями. Следовательно, их автором был злой Бог.

6. Но кровная месть войны, не говоря уже о теологической вражде, была слишком велика для его философии. Мудрец не мог рассматривать всех людей и их обстоятельства с широкой и равной беспристрастностью. Говорит, что ненавистные поклонники даэвов, которые, несомненно, были столь же добросовестны, как и зороастрийцы, не имели правильного различия. Он вспоминает, что когда они размышляли, на них напал Худший Разум, чтобы побудить их выбрать его и его злое царство. Они согласились, придя в ярость в своем намерении причинить вред человеческой жизни. Это можно рассматривать как драматическое, но в то же время в нравственном смысле и философское изложение искушения и падения.

7. Даже разрыв потерянных стихов не прерывает смысла. Показано облечение душ в тела. Если это так, то учение фравашы, иначе чуждое «Гатам», может иметь свое происхождение посредством вывода здесь и непосредственно в стихе 4. После сотворения и первой деятельности душ архангелов, с одной стороны, и даэвов, с другой стороны, вместе со своими соответствующими человеческими приверженцами, один из которых выбирает добро, а другой – зло, оставшиеся Амешоспенды объединяются с Арамайти в даровании тела вновь созданной душе. И пророк прерывает молитву, чтобы в будущем и, возможно, во Фрашакарде (Frashakard), эти сотворенные души могли быть снова восстановлены до состояния безгрешного счастья, наделенные телами Арамайти, как и в первый раз.

8. Но, как он предполагает и, возможно, выражает в утерянном стихе, возмездие придет на жалких существ, избравших Злой Разум своим хозяином. И оно придет не абстрактно просто любыми средствами, а как исполненное многочисленной, если не единожды преобладающей стороной, «отпрысками Злого Разума». И когда это будет завершено, тогда, как он заявляет с душевным подъёмом, «Богу будет Царство, Царство, установленное в Божественной Благоклонности, которое будет пронизывать его жизнь и которое, подобно олицетворенному „Бессмертному“, будет издавать ободрения и повеления своим верным людям. И тогда эти люди не только победят демона Лжи, жизнь друзей Даэва, но и отдадут ее великому Гению Истины, олицетворенной Праведности».

9. И поскольку он горячо надеялся на переход Царства в руки Ахуры, он так же горячо умоляет, чтобы он и его помощники, уже названные князьями, были удостоены чести быть непосредственными посредниками в осуществлении этого «тысячелетнего» завершения; более того, он даже молится о том, чтобы они были подобны Ахурам (Амешоспенд как Ахуры Мазды) в милостивом служении, заявляя, что все их мысли были сосредоточены там, где Свет Веры обитал в ее доме как ее воплощение.

10. Еще раз возвещает он о верном поражении и наказании воплощённой лжи и её приверженцев, что позволяет ему только тем выразительнее описать скорое воссоединение праведников среди домашнего счастья Небесного.

11. Произнеся свое краткое, но весомое сообщение, он хвалит своих слушателей за изучение святых обетов Веры в связи с продолжительностью объявленных наград и наказаний. Они будут действительно длинными; и при их полном открытии полное спасение будет дано тем, кто познал и внял бесценным истинам.

Ясна 31

Эта глава отличается от главы 30 тем, что она нисходит от более общего к частному и от доктринального к практическому. Можно даже проследить непосредственную связь, в последнем стихе одного и в первом стихе другого. Конечно, очень возможно, что стихи, являются лишь остатком тех, которые первоначально составляли произведение, или они могли быть вставлены из других писаний. Стихи приобретают риторический эффект за счет отсутствия повторений. Мудрец, как и прежде, поет свой гимн в присутствии множества людей.

1. Он заявляет, что в то время как он пересказывает вещи, невольно услышанные враждебной стороной, те же самые истины ценятся как лучшие из существующих, теми, кто искренне предан Мазде, их добрый нрав ускоряет их восприятие.

2. Затем он заявляет, что, если истины святой Веры еще не ясно видны, он приблизится к ним еще более действенно в соответствии с особыми правилами духовного вождя, которые Ахура Мазда подготовил в ответ на плач души коровы; то есть стада и людей, представляющих все святое и чистое творение на Земле. И далее он утверждает, что это касается борьбы двух сторон и приведет дело Праведного Порядка к успешному исходу.

3. Изменив свое обращение к Ахуре, он сразу же начинает молиться о том удовлетворительном решении, которое будет естественным результатом только что обещанного воздействия и которое может быть дано с помощью Священного Огня и священного обряда, придающего остроту разуму. И он заявляет, что это учение должно быть провозглашено для обращения человечества. Здесь мы видим, что зороастрийское поклонение Мазде было агрессивным и миссионерским по своему духу, а в прозелитском смысле отнюдь не безразличным к конечной судьбе языческого мира.

4. Обращаясь ко всем Щедрым Бессмертным и с поразительным титулом Ахуры Мазды, он молится об установлении «могущественного царства», с помощью которого он мог бы преодолеть персонифицированную и агрессивную ложь противоборствующих и преследующих поклонников Даева.

5. Чтобы иметь возможность выполнить свою миссию, он просит пророческого и судебного знания о том, что должно быть сделано, или о том, что должно произойти в ближайшем будущем.

6. Он восхваляет Матру, которую, как мы можем предположить, он признал вновь переданной ему в ответ на его молитву о пророческом свете, и он восхваляет вместе со Словом Божьим Верховную Власть Ахуры, которая должна была быть установлена в Царстве, в котором добро умножится и будет процветать, если не преобладать.

7. Он принимает небесные тела за свидетельство мудрости Того, кто создал Священный Порядок, олицетворенный как Бессмертный Аша, а также Добрый Разум, равный ему. А поддержку и расширение их освящающего влияния он приписывает Ахуре, потому что Он никогда не меняется.

8. Он повторяет в выражениях, которые легли в основу другого гимна, свое представление о Мазде как о высшем объекте поклонения, как об отце Благого Разума, олицетворенном как Его дитя, как о создателе Праведного Порядка и как судье человеческих действий. Поэтому Добрый Разум и Праведность должны почитаться как находящиеся в близком отношении к нему.

9. Он также приписывает Ему «бессмертное» благочестие. Оно Его собственное, а в других местах Его собственная дочь. Он объявлен Творцом Коров и Понимания (Его собственного разума), чтобы направлять Его в распоряжении судьбой святого народа. И в соответствии с ним Он прокладывает путь Коровам, что полно смысла, если читать его в свете воплей Коровьей Души и вмешательства Божества ради нее, ибо Он фактически назначил Заратустру удовле-

творять ее нужды. Однако он добавляет, что ее свободный выбор не отменяется построением «этого пути». В других местах она называется «верой пророков-спасителей», и она свободна следовать ей, ведомая первым пророком, идеальным земледельцем, или она может следовать за кочевником-осквернителем.

10. Но он с благодарностью восклицает, что она не останавливается в нерешительности и не делает ошибочного выбора. Она выбирает опекуна, назначенного Ахурой, прилежного и благочестивого земледельца, в других местах отождествляемого с самим Заратустрой. Он богат духовным богатством Доброго Разума; и она отвергает в его пользу праздного кочевника, исключая его из какой-либо доли в священной системе веры.

11. Затем автор обрисовывает борьбу, которая неизбежно следует за установлением необходимых средств избавления. Когда Мазда завершает внушение учений, уча, куда должен направить свой выбор в действии тот, кто наделен свободной волей, тут же, как бы на месте, невежественный даевопоклонник делает себя услышанным рядом с представителем Бога. Но пророка утешает мысль о том, что благочестивый ум не станет вопрошать ни злого Духа, ни благого Духа поверхностно. Он ищет обоих Духов, расспрашивая их, так сказать, в самом их доме. (Поэтому Ахура так подробно говорит об Ангра-Майнью, описывая его оппозицию Ему в подробностях)

12—13. Еще больше оживляет композитора уверенность, что Ахура вглядывается в глубину всех вопросов, простых и глубоких; это означает, что он наиболее внимательно наблюдает за людьми, которые их обсуждают. И он заявляет, что он также видит жестокую несправедливость наказаний, которые тираны налагают на малейшие проступки, а также более вопиющую злобу тех, кто преследует его сторонников даже без претензии на справедливость.

14. Вспоминая о божественном предвидящем всеведении, он еще раз спрашивает Ахуру о будущем, которое было близко с его знаменательными событиями. И он исследует природу истинных, а не незаконных признаний, которые должны были быть сделаны праведным верующим, чтобы предотвратить надвигающиеся бедствия и обеспечить себе преимущество в борьбе за престол. И он спрашивает также о надлежащих искупительных молитвах, которые должен возносить верующий. Тем не менее, он не упускает аналогичных вопросов о нечестивцах, а также не спрашивает, где они, так же как и праведники, будут находиться в конечном итоге.

15. Конкретизируя последнее, он спрашивает, каковы будут наказания для тех, кому удастся поставить на престол злого монарха из друзей даэвов, руководящегося советами и усилиями противоположной веры, который не может существовать без безжалостного преследования благочестивого земледельца, отвергающего ложь.

16. Далее он спрашивает, как и какими действиями, мудрец может уподобиться Ахуре или его верному приверженцу, причем используемые выражения подразумевают глубокое чувство веры.

17. Стремясь пробудить восприятие своих слушателей, он спрашивает, кто из двух сторон придерживается большей или более важной веры, ученик Аши, персонифицированный Праведный Порядок Ахуры или противник. И он молится, чтобы ни один наставник не обманул его или тех, кто принадлежит ему, «но чтобы просветленный, да, даже Сам Ахура, мог говорить с ним и стал указателем и представителем истины».

18. Заканчивая это обращение к Божеству, он обращается к пастве, яростно запрещая ей слушать учения его противников, предостерегая от грядущей гибели и смерти, и яростно взывая к мечу.

19. Еще раз обращаясь к Ахуре, он молит, чтобы они, напротив, слушали Того, Кто имеет власть оправдать добросовестного заратустрийца, внушая ему правдивость и ободряя его в ее практике; посредством святой жертвы или испытания Огня.

20. Он торжественно предостерегает тех, кто хочет соблазнить праведников, об их окончательной участи и добавляет, что их печали будут вызваны ими самими, если они упорствуют

в своей враждебности. Их собственная совесть не только погубит их, но и станет частью их наказания.

21. С другой стороны, счастье и бессмертие будут уделом верующих. И эти «Вечные двое» будут даны им в сопровождении полноты Праведности и буйной силы Доброго и Доброго Разума внутри них и дарования им своих благословений.

22. В заключение он провозглашает явную достоверность истин, которые провозглашает, и, обращаясь к Ахуре, оживляет верных не только надеждой на объективное вознаграждение, но перспективой быть действенными слугами Божьими.

Ясна 32

1. Вполне можно предположить продолжение того же автора. Первые строфы утеряны, но мы видим, что по-прежнему стоит тема раздела лицом к лицу с партией Даево. Он, кажется, видит их одетыми и занятыми враждебным поклонением. Но он не запуган. Дружба с Ахурой у него на уме, и он выражает желание, чтобы он и его товарищи могли стать или продолжать быть Его апостолами, несмотря на временные печали, которые он ясно предвидел как долю тех, кто распространял святую веру.

2. Мазда отвечает ему, а через него и его последователям, как установлено в Его духовном владычестве, принимая преданность их благочестия похвалами и подразумеваемыми поощрениями. Тот, кому они будут служить, является верховным; им не нужно бояться.

3. Сообщив об этом ответе Ахуры, автор с яростью обращается к даевам, как бы присутствующим перед своими приверженцами, которые также, согласно стиху 1, должны быть на виду, совершая свои богохульные обряды; и он обращается к ним как к «самому семени» сатаны. Их поклонники принадлежат к религиозной лжи и извращенности. И они настойчиво размножают свои злые убеждения, которое вследствие этого распространяется.

4. Они, как он с горем признает, извратили умы людей, сделав их глашатаями самих себя и, как следствие, перебежчиками от великого Милостивого Настроения Ахура Мазды и отверженными, отпавшими от Его понимания.

5. Они разрушили надежды человечества на счастливую жизнь на Земле и на Бессмертие на небесах. И в этом они не только семя олицетворенного Злого Разума, но и его слуги, сплотившиеся по его слову.

6. Их вождь энергично стремится, чтобы осуществить свои злые цели, так что он скорбно оплакивает; но пора ему вспомнить противодействующие меры Ахуры. Его святые учения должны быть провозглашены, а их авторитет установлен божественной Кшатрой, олицетворением Его Верховной Силы.

7. Затем автор с иронией размышляет о безрассудной безопасности несчастных правонарушителей, к которым он обращается. Ни один из них не знает о гибели, которая его ожидает и которая, как он намекает, близка, но Ахура, многозначительно восклицает он, знает об этом. И это будет соразмерно жестоко. Слепота грешников к опасности кажется таким же определенным судом над ними в его оценке, как и их слепота к истине.

8. Чтобы показать свой гнев примером, он называет отступника Йиму, которого, как он полагает, заблуждался, впервые введя употребление в еду мяса крупного рогатого скота. Он отрекается от общения с ним, как и со всеми ими, объявляя себя отделенным от них в глазах Ахуры.

9. Он признает, что их вождь до известной степени опроверг его учение и подорвал справедливые взгляды на жизнь, которые он стремился сформировать в народе (или что он сделает это, если его не остановить), заявляя также, что он совершал посягательства на его имущество, которое было священно для святого дела. И он громко взывает к Ахуре и к Аше словами самой своей души.

10. Он повторяет, что их вождь угрожает обесценить его учение, ругая высший объект природы, Солнце, вместе со священной Коровой, нанося вред плодородной земле, и ведя убийство среди святых.

11. Он издает свой горький плач в связи с покушением на убийство и реальным духовным сопротивлением. Он указывает на заговоры среди сильных мира сего и незаконный захват ими наследства, как у женщин, так и у мужчин. И он заявляет, что его противники стараются навредить его сторонникам, как бы отталкиваясь от лучших духовных качеств, которыми может обладать человек.

12. Он возвещает торжественный суд Божий над всем этим, особенно осуждая тех, кто вероломно поступает против мистической Коровы; то есть святых стад и людей, и ударяющих тех, кто предпочитает Грехму спасающей и освящающей Аше, и Царство лжи-демона выше Божественной Кхшатры.

13. Он заявляет, что Грехма, противоборствующий вождь, желал того злого царства в обители персонифицированного Ада. И не может удержаться от прибавления, что тот сам с завистью желает участвовать в святом апостольстве. Но, поскольку он строго возражает, вестник Бога будет держать его вдали от взгляда (Божественной) Праведности. Он не может иметь доли в Вере. Здесь, с другой стороны, читаем о добровольном недовольстве или «сожаленном желании», можно предположить, что партия даэвов была очень близка к заратустрийцам во многих своих особенностях. Во всяком случае, шла ожесточенная и яростная война учений как словом, так и оружием. Это похоже на войну за веру двух сторон, каждая из которых претендовала на то, чтобы быть надлежащим представителем веры.

14. Сожалея о создании Кави, которые прибегают с уловками и ложными учениями, чтобы помочь противной стороне, автор заявляет, что они говорят, что сама корова должна быть ранена, а не благословлена тем самым жрецом огня, который зажигает Огонь.

15. Однако он поддерживает себя надеждой на окончательный успех и надеждой на свою награду, когда он и его товарищи будут славно вознесены на небеса Благом и Бессмертием, «вечными двумя», которые не только, как и видим, несут святых к блаженству, но и составляют блаженство самого неба.

16. В конце концов, он доверяет все Ахуре, который способен управлять всеми событиями и разрешать все сомнения, и который поддержит своих слуг в привлечении нечестивых к мести посредством словесных указаний и приказов.

Ясна 33

1. Кажется, наступили светлые времена. На самом деле первые три стиха, по-видимому, относятся как к главе 32, так и к настоящей главе. Они напоминают припевы посещения святых или «Бессмертных» в главе 29, совершенно соответствующие связи, но отсылающие в третьем лице к говорящему, который заканчивает последнюю главу первой и снова начинает с первой в стих 4. Сочинил ли Заратустра или главный автор, как бы его ни звали, трудно определить.

«Авеста» была «первоначальным законом». Бесспорно, предписания, понимаемые как следующие из дуалистического принципа, были намеренными; то есть нельзя было терпеть никаких шуток с какой-либо формой зла, и менее всего с чужеземными. Ахура не участвует в развитии чего-либо порочного. В соответствии с этими фундаментальными законами Рату, как говорят, действует столь же сурово по отношению ко злу, сколь благотворно по отношению к святому.

2. Ведущиеся до сих пор ожесточенные боевые действия более чем оправданы. Нанесение вреда нечестивому через донос, намерение или физическое насилие равнозначно совету добра. Те, кто преследуют врагов Ахуры, на самом деле действуют из любви к Богу и приносят жертвы самой вере.

Соответственно, чтеца заставляют молиться в этой непосредственной связи о искреннем и полезном друге (вахисте) для верующего, к какому бы сословию он ни принадлежал, будь то вождь, союзный или сельский житель, духовно просвещенный друг, и, согласно предписанию Ахуры, проникательный, настойчивый и смелый в выращивании крупного рогатого скота.

4. Беря своеобразное «я, кто», автор возвращается к первому лицу, продолжая в этой форме за небольшими исключениями до последнего стиха, который, называя Заратустру в третьем лице, подразумевает (если не является добавлением), что Заратустра все время был ора-
тором.

Как бы в ответ на выражение в стихе 3, напоминая, что хотя он и был вахистой (лучшим) для некоторых из каждого сословия, он не был доволен нечестивыми, он начинает молитву, которая только завершается в стихе 6, и который набирает силу каждым предшествующим исповеданием верности. И, верный практическому дуализму, он, прежде всего, отрекается от ведущего греха непослушания Богу и высокомерия, недовольства и нечестности по отношению к человеку, сопровождаемых (как кажется) пренебрежением важнейшими обязанностями по отношению к скоту, который разделяли святость «души» своего представителя. И, может быть, именно эта практическая суровость дуализма в противоположность более легкой «лживости» противоположной веры была причиной той высокой репутации правдивости ариев, которую Геродот причислял к добродетелям.

Что же касается обрядов, то в более поздний период они имели свою долю нелепости; но что касается честной работы, а не «добывания пропитания у врага», существует большая разница между «Гатами» и некоторыми другими древними гимнами, например Риками «Веды». На самом деле эти последние могут рассматриваться как представляющие противоположную крайность.

5. Я, продолжает он, говорит или подразумевает, я, кто не только отрекается от непослушания, дерзости, недовольства и лжи, но особенно взывает к великому гению, который есть само Послушание, Повиновение Богу (Тебе), стараясь, как я сим отречением и молитвою достичь не «ста осеней» добычи и славы, но долгой жизни в царстве, установленном в духе Божественного Благоволения, и стези не только для боевой повозки, или для торговли, но к тем строго прямым путям нравственной чистоты, на которых пребывает Ахура,

6. Я, – добавляет он еще раз, – кто, таким образом, Твой фактически призывающий (zбайâ) призывающий, «прямой», как пути (erezus), я ищу с желанием (кауâ) узнать от этого Наилучшего Духа (Твоего Спента Майнью?), еще раз вдохновленного этим лучшим умом? Если мы вернемся к главе 31,1, то увидим, что то же самое слово (вастря) описывает изначальную нужду коровьей души. Это было «vohu vastryya», о котором она умоляла как о своем спасении; и только священный земледелец мог себе это позволить и как «прилежный земледелец» всегда оставался святым. И так как его полезные дела по благоустройству, орошению и возделыванию земли справедливо причислялись к первым заслугам человека, а последняя подготовка собранного зерна, быть может, шутливо, но все же язвительно, говорила, чтобы заставить даэвов вздрогнуть, и визжать, и летать, и, далее, жизнь от плодов земли и по сей день, составляет основное различие между теми, кто живет кровавым воровством, и теми, кто живет честно в почти в тех же местностях, мы можем восхититься здравым смыслом этой ранней веры и сказать, что знание в области земледелия было одним из самых мудрых из возможных желаний и больше всего, достойным «увидеть Мазду и посоветоваться с Ним». Как лучше обрабатывать поля и как лучше уберечь людей от кровавого разгула, это касалось Праведного Порядка, Доброты, Силы и Благочестия Ахуры, четырех бессмертных, дающих мощь одновременно. И только это могло обеспечить два других вознаграждающих олицетворения, Благополучие и Бессмертие.

7. Помолившись о первой добродетели существования, о труде (verezyêidyâi), он переходит к дальнейшим прошениям. «Придите, – умоляет он в ведической манере. Придите,

о Ахура, Аша и Воху Манах! и посмотрите на внимательного монарха, ведущего Магавана (Magavan), когда он слушает мои наставления вместе с другими вождями и толпами народа. И пусть также изливаются жертвенные дары для приношения и поклонения».

8. Он не покоится на голой морали для простого множества. Он слишком хорошо знает человеческие слабости, поэтому усердно просит жертв и гимнов.

9. Воодушевляя двух благочестивых вождей, чьи души идут рука об руку, он молится о том, чтобы влияние, подобное влиянию «вечных двух», могло перенести их «дух» в сияющий дом Рая, достигшего совершенства благодаря помощи Лучшего Разума Бога внутри него.

10. Прося Мазду даровать в Его любви (или «по Своей воле») все счастливые части жизни, которые были или которые когда-либо будут пережиты, он молится, чтобы их тела, то есть их личности, как отдельные личности могли процветать в благодати Благого Разума, Святого Власти и Священного Порядка, пока не были благословлены «ушта».

11. Здесь он умоляет все великие абстракции, Благочестие, Праведный Орден (который один только и может «подтолкнуть» к поселениям), Добрый Разум Бога в Его народе и Его Царстве, чтобы они обратили свои умственные уши и слушали, и слушали простить.

12. И определяя один основной объект желания, Закон Бережливости, Авесту Рату или Саошьянт, он просит Ахуру подняться ему на помощь и дать ему духовную силу, поддерживая его через вдохновляющую Праведность и Добрый Разум, в действенном призыве.

13. С глубокой духовностью, он просит видеть не личность Бога, а Его природу, и особенно быть в состоянии понять и донести до своего разума то, что подразумевает Самовластие Бога с его «благословенными наградами». И он просит благочестия, как сначала приобретенного, практикуемого, а затем говорящего в нем, раскрыть Гнозис, Проницательность, то есть Веру.

14. Его «Заратустра» может означать «я». И язык не может означать ничего, кроме посвящения всего, что он есть и имеет, Богу, своей плоти, своему телу, своему религиозному величию, послушанию, которое он предлагает словом и делом, вдохновленным Праведностью, и Царством, которое он унаследовал в спасении и благословении.

Ясна 34

1. Тон благодарности продолжается. Словно в благодарность за лучшую судьбу, пророк объявляет, что он одарит Ахуру в первую очередь, в соответствии с мерой даров (которые он получил). Этими дарами были обеспеченное Бессмертие (не просто временное «бессмертие»), Праведный Порядок и Верховная Сила, установленная в святости и дарующая Вселенское Благо.

2. Дары, предлагаемые для жертвоприношения, – это не жертвенные животные или плоды, а действия истинно благочестивого верующего, чья душа тесно связана с праведностью, почитанием молитвы и хвалебными песнями. Как никакое благочестие не могло существовать без строгой церковной постоянности, так и никакая обрядовая пунктуальность не мыслилась отдельно от чести и милосердия.

3. Соответственно, о хлебном приношении, упоминание о котором следует сразу же, говорится как о приношении с почтением Праведному Порядку и Божественному Власти на благо всех священных поселений, чтобы полностью вооружить мудреца и как полезное благословение среди самих Бессмертных и их приверженцев.

4. Также упоминается Огонь, которому поклонялись не столько как «Агни» как дружественному богу очага и жертвенника, но больше и главным образом как «Агни» как жрецу церкви. Подобно «Агни», он призывается как для внутренней духовной силы, так и для временных благословений в различных образах, вместе с мезью, брошенной как бы в виде удара молнии.

5. Чтобы пояснить, что он имеет в виду под своими мольбами о пришествии Царства и о святых действиях, он риторически спрашивает: «А что есть Твое Царство, то, что Заратуштра устанавливает и предлагает Тебе?. Какую молитву я должен использовать, чтобы я мог стать Твоим (достоянием) в моих действиях, чтобы не обременять Твое священство жертвами и не откармливать Твоих князей добычей, не для того, чтобы обеспечить поэту тяжелый подарок, а для того, чтобы «накормить бедняка своего?». В этом заключалась суть желаемой Святости и Верховной Власти. Царство Божие, возвышенное и олицетворенное как отдельный разум, определенно считается чем-то большим, чем безвкусное зрелище материального показа, даже «Тава Кшатрем». И сам автор, кажется, настолько сознает резко очерченную разницу между таким царством и царством соперничающей веры, что тут же добавляет: «Таково Царство Твое, попечение о праведных нищих, и посему объявляем Тебя непримиримо в отличие от даево и их оскверненных последователей. Ты выше их и выше в духе Твоего Царства!»

6. Затем он выражает впечатляющее сомнение, которое только усиливает наше восхищение выражением его веры.

7. Ибо борьба, хотя и не лишенная признаков благоприятного исхода, была еще далека от завершения. Отсюда его опасения. Затем он с некоторой задумчивостью спрашивает об «ар (е) дра» – людях, которые могли бы помочь, которые, по опыту благодати Божией, могли превратить печаль в благословение, твердо установив святую веру, но с расширенным и суженным пониманием. И, все еще немного подавленный, он заявляет, как это часто бывает: «Нет у меня никого, кроме Тебя; поэтому я могу дожждаться аг (е) drâ. Ты спасаешь нас одних уже предложенных Твоих средств благодати».

8. «Ибо вы уже дали мне как бы знамение. Враг проверен и на данный момент запуган, если он не отбит. Те, среди которых была смерть для многих, когда они одержали верх, и когда их правитель преследовал святые обеты, не только поражены ужасом действия, которое мы предпринимаем, но их главное возмездие, как мы считаем, духовное, и, следовательно, в глазах истины более суровым. Они не будут поощрять праведный Порядок и праведные намерения, и, соответственно, олицетворенное Благое Намерение, огорченное, отойдет от них».

9. «Да, – повторяет он, усиливая, – несчастные грешники, отступившие от Твоего благочестивого и священного благочестия в этом неведении всего опыта Твоего Благого Разума, пострадают в равной степени отверженностью. Характеристики праведности, в свою очередь, будут избегать их, как нечистые твари бегут от нас».

10. «И это, – продолжает он, – знак или результат, который Всемудрый объявляет мне, чтобы успокоить мою душу, когда я колеблюсь». «И это воистину обнадеживающие доказательства Твоей благосклонности, – добавляет он, обращаясь к Ахуре, – которые устрашают наших врагов и возвышают нас, давая нам праведное возвышение в Твоем Царстве».

11. «Поэтому то доброе благочестие, которое они покидают в своем законном невежестве, увеличит для нас обоих все охватывающие благословения; духовное Бессмертие, начавшееся здесь в предвкушении, и его необходимое условие, Благополучие. И они будут умножены как пища для стесненного народа Мазды, или лучше, для Его славы как их монарха. И с их помощью Ахура может действительно защитить Себя от преследующего и идолопоклоннического врага».

12. Принимая во внимание все, что зависит от правильного понимания обязанностей, он горячо молится о правильном руководстве в установлении обрядов и восхвалений, умоляя Мазду говорить, объявляя вид поклонения, который может обеспечить «Аши» (благословенные награды). И он просит научить его тем путям веры, в отношении которых невозможна ошибка, путям, которые принадлежат Доброму Разуму.

13. В уже известной манере он сам отвечает на свой вопрос. Тот путь, который Ахура уже раскрыл как собственный Добрый Разум, состоял из явленных заповедей Саошьянтов. Там,

как и на путях, где обитает Ахура, благодетель может преуспеть благодаря своей преданности истинам веры и немедленно получить награду из руки Божией.

14. Как бы никогда не забывая первородного бедствия, бед Коровы, он далее объявляет тот путь, который будет единственным из всех избранным для этой земной жизни, как преддверием к небесной. И он утверждает, что те, кто трудятся для Коров (которые представляют здесь, как правило, священные поселения, а также их главный источник богатства и поддержки), стремятся продвигать и показывать мудрость этого пути всеми праведными средствами. Более того, он провозглашает, что дела Благодетеля сами по себе являются высшей мудростью, точно так же, как слова и праведные действия Саошьянтов не только провозглашают и прокладывают, но и составляют «путь».

15. Опять же, завершая молитвой, он умоляет Ахуру говорить и открывать ему все самые доступные утверждения, обряды и восхваления. И никогда не забывая, что все обряды, гимны и жертвоприношения, какими бы священными они ни были, являются лишь средствами для достижения большей цели; он молит Божество, чтобы Он мог проявить ту Верховную Силу, которая одна только в высшей степени действенна в облегчении страданий, ибо своими святыми законами и духовным оружием она одна может вызвать Фрашакард и создать в обществе такое состояние, в котором все человеческое развитие должно стать завершенным.

Ясна 35—42

С Ясной «Семи глав», которая по древности занимает второе место после «Гат», переходим в атмосферу, отличную от их атмосферы. Диалект сохраняется, но дух изменился. Есть продвинутая персонификация Щедрых Бессмертных; их олицетворение кажется более заметным, в то время как идеи, олицетворением которых они являются, уже потускнели. Встречается имя Амеша Спента: появляются фравашаи; поклоняются Огню, Земле и Траве. К водам, к Душе Коров и ко всем святым или чистым существам само слово «*yazamaidê*» применяется впервые. С другой стороны, многие более поздние объекты поклонения полностью отсутствуют: шесть сезонов творения, пять частей дня, пять «Гат», Заратустра, Баресман, Хаома и т. д. Должно быть, прошел значительный период времени с тех пор, как были составлены «Гаты», и также следует предположить, что пройдет длительный период времени, прежде чем «Авесту» более позднего типа начнут петь и читать наизусть. Название «Семь глав», было дано произведениям позже их сочинения.

Ясна 43

Так как вполне вероятно, что в этом произведении местами выпали стихи, а некоторые могли быть вставлены из других сочинений. Однако присутствуют признаки внешней связи. После первых трех стихов, которые отделены друг от друга, а затем, начиная с четвертого и пятого, каждый дополнительный стих имеет формулу «*Spentem at thwa Mazda meNhî Ahurâ*». Стих 16 – заключительная строфа, очень похожая на добавление чужого текста. Если это более позднее дополнение, то оно позволяет увидеть, как рассматривались основные черты системы в период, не идентичный раннему, но близко следующему за ним.

1. Если согласиться с предложением пехлевийского переводчика, а именно: «Спасение тому, кому спасение для каждого человека», тогда не нужно допускать потери стихов. В противном случае вынуждены считаться с потерей хвалебного стиха или стихов.

Какой бы ни была правда, главное ударение мыслей ясно – автор умоляет Ахуру даровать тем двум «могучим и вечным», которые дополняют друг друга, вселенскую целостность, благоденствие души и тела, без которых немислимо блаженство, а затем неограниченную продолжительность этого состояния; ибо совершенно невозможно, чтобы подразумевалась только «дол-

гая жизнь». «Мощные и непрерывные два» ищутся вместе с великолепием в качестве награды для поддержания Аша, Порядка Веры, на котором строится священное государство, племенное и народное богатство, но больше, чем какие-либо общие блага, святость жизни.

2. И это обозначено как высшее благо; и к этому добавляется молитва о «мае», о котором сгруппировано много ярких мифов; но здесь, с постоянно повторяющимся контрастом, «майя» есть таинственная мудрость Божественного Благоволения, действительно бесцветная и абстрактная, но, тем не менее, обладающая великой глубиной веры.

3. Высшее благо, в другой и неоднократно повторяемой фразе, снова испрашивается, как «лучшее, чем добро», даже достижение того, кто наставляет на «прямые пути», которые есть «путь, даже зачатия и откровения Спасителей», в которых преуспевает верующий, и обитает Ахура, как он обитает в своем царстве, и сам его «избранный дом».

Нужно только сказать, что Заратустра мог быть автором обеих глав или частей.

4. Действуя так, как если бы первые три строфы отсутствовали, автор начинает свои хвалебные описания. Он будет считать Ахуру всещедрым и могущественным, поскольку Он бережно взращивал, как самой Своей рукой, помощь благодати, которую Он дарует как дары снисходительности тем, кто сейчас нечестив, в надежде на покаяние милосердную угрозу наказания, и набожному ученику, чье благочестие искреннее. И эти средства благодати, хотя и изобилуют насаждением нравственной святости в мыслях, словах и делах, все же нечестивы, кроме пламени того святого огня, который сплотил массы к поклонению и который был силен для святого Порядка, а также посредством него. По этим причинам он обожает их дающего, но еще и по другой причине. Это было потому, что сила Доброго Разума Ахуры приблизилась к нему внутри них и дала ему силу для всего, что было перед ним.

5. Он поэтически воображает себя узревшим Ахуру, владыкой двух духов и владыкой над всеми другими силами при рождении мира. И он считает, что Он также установил награды и наказания своей святостью, столь отделившейся в своем отличии от всякого соучастия злу либо посредством причинения, либо позволения. И эти награды и наказания должны были иметь свое следствие не только во времени, но и в «последнем повороте творения» в его ходе.

6. И о приходе Ахуры в это последнее изменение он горячо молит, как и о явлении Священного Царства, установленной помощи, охраняемой божественной Милостью. И это завершение, подразумевает он, произойдет, когда поселения будут продвигаться в Праведном Порядке, и посредством него будет достигнута цель развития; ибо тогда благочестие человеческих душ само будет их наставником, устанавливая правила, которые заставят замолчать споры двух сторон. И эти предписания подобны мудрости разумения Ахуры, настолько пронизательны, что все мысли открыты для него.

7. Теперь он провозглашает условия, на которых он принял божественное призвание. Он говорит, что Сраоша (подошел, чтобы расспросить его. Как его называет Ахура, Послушание, то самое, что составляет путь к Ахуре (или находит Его трон), теперь приближается к нему. Вне всякого сомнения, выраженная здесь тонкая субъективность была преднамеренной. Когда провидец воскликнул: «О Праведность! когда я увижу тебя (в себе и в своем народе)», так и теперь он имеет в виду, что его послушный дух слушает призыв Бога.

8. И поскольку его олицетворенная совесть вопрошает его о его происхождении и правилах, по которым он будет действовать, она представляет послушный народ, а также послушного мудреца. «Верность» спрашивает его, чтобы сообщать его ответы. Поэтому он отвечает, говоря от своего имени как Заратустра. И это его заявление относительно признаков, которые должны определить его личность. Его курс будет неизменным. Неверующие противники, как он заявляет, встретят в его руках не милость, а отвращение, тогда как для набожного ученика он будет таким же могущественным помощником. И это потому, что его ум и мысль (как бы ослепленные настоящим) устремлены на идеальное Царство, а в настоящее время он не пере-

стает трудиться, готовясь к Фрашакарду и сочиняя гимн за гимном, чтобы создать необходимый механизм знаний.

9. Опять же, его совесть и послушная воля, как ангел Божества, вопрошают его; и на этот раз предлагает ему этот главный из желаемых объектов для него, знания веры. Он упоминает святой Огонь с его надлежащим подношением как тему своего первого исследования.

10. И он умоляет Ахуру ответить и оказать ему милость, поскольку он взывает к такому полному дарованию, идущему рука об руку с истинным Благочестием и без корыстного интереса в его молитве. Затем он просит Мазду изложить за него свои просьбы.

11. Однако он не закрывает глаза на все, что предстоит ему принять, приняв этот призыв. Он поклоняется щедрости и величию Ахуры, в то же время впечатляя свою душу значением этой встречи.

12. Но, несмотря на все, что может быть для него приготовлено, он надеется сделать эти учения сокровищем, то есть духовным богатством. Он добавил бы одно единственное условие: «Подожди только прежде, чем Ты дашь слово, чтобы я вышел с Твоими новыми истинами (которые приносят такое страдание тому, кто первым их провозглашает), подожди моей послушной воли, полностью слушая все, что Ты будешь говорить. скажем, придет ко мне, и тогда это послушное благоговение во мне и в моем возлюбленном поможет нам в наших усилиях, чтобы мы могли распространить весть о Твоей обещанной награде, чтобы приобрести живых для Тебя».

13. «И чтобы я мог знать и сообщать (так он продолжает) истинные цели и объекты желаний тем, к кому я по Твоему слову идти, даруй мне эту долгую жизнь в Твоем Царстве, хотя эта жизнь будет полной о горечи, для тех, кто распространяет дело Твое».

14. «Да, как друг, и мудрый, и могучий, дает другу, пошли мне не только Сраоша, послушную слушающую волю, но, обильную благодать. Тогда, и только тогда, я буду окружен настоящим союзником. Тогда с Твоей Верховной Силой, как моя Послушная воля, как ангел, посланный от Тебя, и вдохновленный Твоим праведным Порядком в законе и ритуале в мысли, слове и деле, тогда я выйду, чтобы пробудить и возглавить вождей, собирая в духовные сонмы многих верующих священников, которые и ныне помнят и празднуют Твои таинства».

15. И как начал с бесстрашной суровостью, так и закончит бескомпромиссно. «Мое терпеливое страдание преподносит мне свой урок. Ум мой долго терпит, но это терпение, хотя и может показаться некоторым трусостью малодушного защитника, но на самом деле не таково, ибо оно заявляет во мне и заставляет меня говорить: Никто да не угождает нечестивому; это наша единственная надежда на успех».

16. И, отбрасывая назад свои мысли, он хорошо резюмирует все: «Так избирает Заратустра дух, тот дух, который воодушевляет верных в их вождах, и рядом с ним всякий истинно верующий произносит свою сочувственную молитву: „Пусть порядок жизни и ритуала воплотится в наших племенах и станет сильным, потому что он обладает доблестной силой верующих людей, чтобы повиноваться и защищать его“. И пусть преобладает благочестие, пока оно не покроет нашу землю, благословленную милостями священного солнца, и, поскольку она живет жизнью истинных приверженцев, пусть она в сочувствии Доброму Разуму дарует таким образом награды за все наши дела!».

Ясна 44

Здесь могло выпасть много стихов или, наоборот, произведение, составлено из однородных, но не связанных первоначально частей, осталось с резкими переходами. Это, однако, не вызывает особых затруднений при толковании. На самом деле стиль в некоторых местах вполне однороден со стилем произведений, которые без сомнения приписываем Заратустре, а признаки борьбы указывают на самый ранний период. Был ли Заратустра или другой пред-

ставитель узкого круга вождей автором на всем протяжении, зависит от дальнейших вопросов, которые уже не раз поднимались, о том, насколько далеко зашло в этот период соответствующее развитие общества и что вероятность существования в малой группе более одного человека, наделенного своеобразными качествами, повсеместно проявляющимися в этих гимнах. Можно с уверенностью сказать, что Заратустра сочинил большую часть материала здесь, и что дополнительные фрагменты были составлены под его непосредственным влиянием.

1. Более внимательно; автор умоляет Ахуру заговорить с ним в характерной для него манере, в отличие от высказываний противоположной веры, которую называли религией «Лжи». Его умоляют открыть, как Он обычно делает, «святую истину». И первый вопрос, поставленный перед Ним автором, как всеобъемлющий из всех других, состоит в том, как он может воздать должное, воздать должное Самому Богу или Его щедрому духу. И далее он просит, чтобы Ахура мог поговорить с ним, показывая ему, каким обрядом он может его умило-стивить и какой помощью благодати этот дух или сам Ахура может быть склонен приблизиться к нему в соответствии с его частой молитвой.

2. Еще раз он спрашивает, как он может служить тому Духу, как главенствующему на Небесах, который ищет этого добавления хвалы к хвале, ибо как высшее право на наше почитание, Он, как хранитель, подобно Ахуре в другом месте, удержал от гибели всех верующих святых и всех раскаявшихся людей.

3. От этих вступительных просьб, вставленных, возможно, перед многими утерянными стихами, он продолжает в другом тоне, хотя он говорит то, что родственно предыдущему: «Да, я спрашиваю, как я могу служить Ему, о Мазда! ибо Он действительно есть Ты, и поэтому, чтобы показать свое горячее почтение, я спрашиваю: Кто был не только первым основателем, но и первым отцом нашего святого Порядка как олицетворенного Бессмертного, и что не по творению, а по рождению? Как родитель порождает дочерей? Кто указал звездам и солнцу тот „путь“, неуклонный путь сквозь пространство, давно замеченный и изученный нашими отцами, как не случайное течение и неведомое продвижение, кроме Тебя?».

4. Законы тяготения, а также атмосферные явления, особенно облака, гонимые ветрами, становятся темой его восхвалений, все еще выражаемых в форме вопросов. Но он не может оставить даже возвышенные предметы природы, не подумав еще раз о той духовной силе, о силе праведного характера, которая была по праву более впечатляющей, хотя еще более знакомой и которую он, как всегда, называет «Добрым Разумом». Здесь этот великий Бессмертный остается бессмертной мыслью, и о нем говорится как о «сотворенном», а не «рожденном».

5. Несомненно, признавая наслаждения жизни так же, как и утешения сна, и образуя по их контрасту необходимое изменение, которое созидает счастье, он ссылается на верховного устроителя как на «хорошо искусного» и спрашивает: «Кто так мудро сменял день ночью?».

6. Охваченный сомнением, которое опять-таки только усиливает пыл его уверенности, он спрашивает, действительно ли факты, которые он провозглашает, таковы, как кажутся. Действительно ли благочестие, хотя и с помощью Благого Разума, по милости Ахуры проникнувшее в нас, наконец или вскоре отдаст очищенное Царство слугам Ахуры, которые были там среди масс перед его глазами, или Сам Ахура. И, так как все сельские богатства заключаются сами в себе, спрашивает, для кого Он сотворил корову, теперь уже не плачущую от ее горя, а «приносящую наслаждение», по причине влияния Благочестия и Благожелательности воплощенной в Царстве, делая вывод, что Бог создал ее для этих же (верных).

7. Он спрашивает, кто создал само это отеческое и сыновнее благочестие вместе с царством?

8. Обращаясь теперь к словесным откровениям, он спрашивает, каким образом его душа может преуспевать в нравственной добродетели, молясь о том, чтобы она действительно продвигалась, таким образом, как провозглашает ожидаемый ответ.

9. Он молится о том, чтобы узнать, как он может еще больше освятить ту Веру, которой учил бы Царь Священного Царства, подобный Ахуре со святым Порядком и Добрым Разумом.

10. Выражая все одним словом, он просит Ахуру открыть ему Даену, Проницательность, сущность той Веры, которая была «из всех вещей лучшей» и которая одна могла «продвигать поселения» с помощью священного обряда и нравственный порядок как своего союзника, который также воздавал бы все свои нравственные и обрядовые действия только посредством божественного благочестия, которое было их осуществлением на практике; и он завершает восклицанием, что желания и желания его души, когда они наиболее наполнены мудростью, будут искать Бога.

11. Следуя влиянию Арамаити (этого олицетворения Благочестия), он спрашивает, какими средствами она может приблизиться и быть осознанной как характеристика тех, кому следует проповедовать святое Прозрение, признавая, что Бог знает, насколько он выдающийся в преданности делу, и с какой ненавистью, сидящей «в его духе», он смотрит на противоборствующих богов.

12. Затем, бросая испытующий взгляд на массы и, возможно, разглядывая их несколько групп, каждая из которых возглавляется своим «вождем», он плачет, обращаясь к Ахуре формально, но на самом деле к народу, и говорит: «Кто является праведным верующим в отношении этих моих вопросов, заданных Богу, чтобы выразить мою веру в Него, и кто является скептиком? Кем управляет Ангра-Майнью; или кто такой же злой, как сам этот вождь?». И, вспоминая досадный факт, что терпят некоторых, которые не только не помогают, но противятся его усилиям, и, может быть, имея на виду некоторые полуубежденные части, он с горечью восклицает: «Ангра-Майнью выступал против Ахуры, почему его не считают тем, кем он является на самом деле? Почему он все еще невозмутим?».

13. И затем с яростью, он спрашивает: «Почему мы должны терпеть вид этих противников, представляющих их ложь? демон как их Богиня? Как я могу гнать ее отсюда в преисподнюю, не к тем, которые колеблются, как эти, останавливаясь, прежде чем осудить злую партию, а к тем, которые уже исполнены своего непослушания и которые, не имея никакого общения с нами, не принимают свет, как они, от отраженной славы истины, и которые, кроме того, не искали и не делились подобными советами Твоего Доброго Разума. Да, как, – повторяет он, – могу я отдать эту Лживую Богиню, в лице ее приверженцев, Святому Порядку, в лице святых, в их руки, чтобы убить ее, разрушить ее как ложь Матрами Твоего учения, а не просто противостоять этим злым развратителям, как мы теперь делаем, терпя молчание этих масс в отношении их дел, их страх перед ними или их попустительство их верованиям, но посеять среди них бойню, чтобы полностью их истребить?»

15. Затем он настаивает на предстоящем столкновении и молится, чтобы узнать, какому из воинств, претендующим на «урвату», Ахура отдаст приз.

16. И кто, спрашивает он далее, будет защитником, который поведет за собой победителей, «веретремган», который, таким образом, примет «снайти» и Матру, и сразу бороться за «оба мира». И он желает, чтобы приближали его, как приближался к Заратустре, послушной волей и двигал к его святому делу вдохновляющий Добрый Ум Ахуры, будь тот Рату, кто бы ни Господь может пожелать. Спасение в виде успеха его великой попытки должно быть его уделом.

17. Наполовину намекая, что он сам может быть грядущим человеком, он умоляет знать, когда он сможет провести ту беседу, на которой, он сможет более тесно общаться с Ахурой и через откровение, которого можно было бы удостоиться, может стать предводителем-защитником, чтобы сохранить всегда называемых «пребывающих двоих», «Благодать» и «Бессмертие», которые были «лучше, чем добро», «вахиста» святых.

18. Он просит, чтобы он мог получить почетный дар спаренных кобыл и верблюда, как материал для жертвоприношения перед битвой (?), даже высшие интересы народа, прочное благополучие, требует, чтобы он получить эту помощь.

19. Что касается монарха или ведущего вождя, который может отказать в этой справедливо заслуженной и необходимой помощи или почете, то он заявляет формулировками своего следующего вопроса, что какой-то мгновенный суд будет грядущим, ибо угрозы будущего осуждения кажутся несущественными.

20. В качестве предисловия он взывает к разуму колеблющихся групп среди масс, которые все еще медлят называть зло злом, и спрашивает, были ли когда-нибудь даевы, представленные их приверженцами, хорошими правителями, когда у них была власть. Разве грабеж и насилие не были тогда законом у них, как и теперь? И разве Коровы, олицетворяющие священные стада и народ, не возвысили свой плачущий голос?

Ясна 45

В этом гимне меньше следов фрагментарности, чем в других. Он кажется принадлежащим периоду покоя и богословской деятельности. Мощный противник только что был разгромлен. Первый стих звучит как поздравление. Можно сказать, что гимн предназначался для пения, если не крика, для множества людей, часть которых была вне пределов досягаемости голоса. Во всяком случае, внимание привлекают три разных выражения. «Пробудите ваши уши к звуку», буквально «звучите» в восприимчивом смысле; («пусть звук звенит в твоих ушах»), затем «слушай»; а затем «размышлять».

2. Затем он повторяет главную доктрину, из-за которой стороны воевали и которую они должны теперь ясно увидеть в свете своей победы. «Гнусные пороки общества не находятся под контролем святого Ахуры таким образом, чтобы он либо порождал их, либо терпел». Они, напротив, являются продуктом персонифицированного Гнева Даевов, Майнью в его злом смысле, Ангра (сердитого?) Духа. Между этим существом, или персонифицированной абстракцией, и Ахурой пролегает пропасть. (Никогда не видим ни клеветы на имя Ахуры, ни подозрения в Его чистоте, проявляющейся в соучастии в жестокости, или в терпимости к дурным страстям.) Следует также отметить, что побежденный «душастии», возможно, был поклонником даевов, главным образом как еретик этой Веры Ахуры, считая Его причастным к творению или допущению греха и страдания, или, если в то время было запрещено погребение или сожжение мертвых, то, возможно, также в этих вопросах. Но все же, как непокорный поклонник Мазды, он мог заявить о законной верности «урвате» и будущих благословениях, а также временных преимуществ, связанных с правильным ученичеством; и поэтому он, возможно, использовал название священных принципов самой Веры. На самом деле он, возможно, был поклонником Мазды, но не из «порядка Заратустры», ни в какой степени не принадлежал приверженцам и встречался как настоящий, если не открытый, поклонник Даева. Поэтому пламенный пророк провозглашает полное разделение между добром и злом, Богом и Демоном.

Два духа действительно сошлись сначала, чтобы создать жизнь и ее отрицание, и они сотрудничают, если такой термин можно применить к непримиримому антагонизму, из противоречий и трений которого только и становится возможным чувственное существование. Их союз состоит в противопоставлении, ибо, если они сливаются, каждый из них перестает быть тем, чем он является. Они, хотя и поддерживают существование, тем не менее, отделены навеки, и это касается каждого свойства и интереса.

3. И мудрец продолжает утверждать, что этим он провозглашает первую Матру этой жизни, которую открыл ему всемудрый Мазда. И, уверенный ли он в победоносных массах перед ним или, наоборот, прекрасно сознавая, что многие среди них не убеждены разумом, он сразу же навязывает им одну грозную доктрину, которая, к сожалению, кажется слишком необходимой, и он объявляет, что те, кто не действует в соответствии с тем, что он говорит и даже думает, для таких правонарушителей эта жизнь должна окончиться в горе.

4. Продолжая в более счастливом ключе, он затем останавливается на отцовстве Бога. Он объявит лучшим в мире существом Самого Мазду. Он – отец Доброго Разума в Своем народе, когда этот Благой Разум активен в добрых делах. Итак, наше благочестие, когда оно применимо, есть Его дочь, ибо никакое притворное благое намерение не может претендовать на родство с Ним, как и никакое праздное чувство. Ему нужен «готовый ум» Своего слуги, и Его нельзя обмануть.

5. Возвращаясь еще раз к Матре, и на этот раз для того, чтобы вознаградить, а не произносить угрозы, он заявляет, что Счастье и Бессмертие будут уделом тех, кто выслушает и обдумает его откровение, и что Сам Ахура также приблизится к нему, вознаграждающими их действиями Его Доброго Разума, ибо Ахура также был во всех добрых действиях, с одной стороны, так же как Его Бессмертные Архангелы, с другой стороны, имели свое объективное существование также в душе верующего.

6. Переходя от наставления к поклонению, он объявляет не то, что он называет «первым» и не «лучшим», а «величайший», элемент из всех, подразумевая, что похвала, которую он теперь выражает, включает в себя как молитву, так и признания веры, и он призывает Ахуру и слушать, и учить.

7. Это поистине «величайший» элемент, ибо он касается тех духовных благословений, которых будут искать не только те, кто приносят ныне живущие, но и те, кто будет жить в будущем; более того, даже духи праведников желают их в вечном Бессмертии. И эти блага есть, согласно хорошо запомнившемуся закону, горе нечестивым, и то не только от внешней, но и от внутренней скорби. И Ахура установил, – добавляет он, – благотворные, но, что касается нечестивых, все еще торжественные правила посредством применения Своей Верховной Власти как повелителя всего.

8. Затем Заратустра заявляет о своем рвении служить Господу этими словами, которые он назвал «величайшими», и потому, что он видел Его своими собственными глазами, что он объясняет как означающее, что он знал Его насквозь, Праведный Порядок в его душе, и поэтому он молится и надеется произнести эти величайшие похвалы не в одном собрании, а в «Доме величия или песни».

9. И он тем более горячо желает воздать должное Ахуре, потому что Он приближается к нему с Силой Своей божественной Власти в счастье или горе, благословляя как людей, так и стада, пока они умножались под влиянием Благочестия.

10. Поскольку восхваления были «величайшими», так он стремится «возвеличить» Господа в Яснах Арамаити, Ахура славится Своей неизменной целью, ибо Он дарует «вечных двоих» в Своем святом Царстве, когда оно должно быть сделано твердо!

11. Да, он стремился бы возвеличить Того, кто презирает Даеов и их партию, настолько, насколько они, в свою очередь, заявляют, что пренебрегают Им и Его Царством веры, противопоставляя их пророку Ахуры, который почтил Его в святое Прозрение, Даена Саошьянта. И этот Саошьянт объявляется господином каждого верного поклонника, и он, или верный почитатель оскорбляемого Ахуры, также является нашим другом, братом, не, как сам Ахура, наш Отец в Вере.

Ясна 46

Рассматривая эту главу, можно, предположить, что несколько стихов первоначально были составлены в ином порядке. Какими бы разными они ни были в отношении конкретного времени или обстоятельств своего происхождения, в целом они однородны.

1. Вне всякого сомнения, пророк – главный в первом и втором стихах; эти стихи настолько свободны от образов, что они описывают, вне всякого сомнения, вместе со многими другими местами в «Гатах», страдания и разочарования самого Заратустры. Он не знает,

куда обратиться, хотя и говорит как публичное лицо и командует войсками, хотя и скудными, но все же способными выступить в поход; и его движения также касаются больших округов («земель»). Его гонят не из дома, а из страны. Излишне говорить, что вера, хотя и смешанная с естественным честолюбием, является ведущим мотивом. Как он удовлетворит Ахуру, это единственная проблема, которую он стремится решить; но его случай показывает полное разочарование.

2. Он восклицает не о том, что он беден средствами и войсками, а о том, что он знает, почему это так.. Это работа «другванта», которого также можем понимать как «наркованта», проклятого врага, который сдерживает носителей Священного Порядка от всякого успеха в их усилиях получить праведные средства к существованию от привилегированного скотоводства, и который, как он давно с горечью предвидел, в случае достижения власти предаст дом, деревню, округ и страну разорению и смерти. Поэтому он взывает к Ахуре вместе с самой Коровой, и «его вот» есть лишь измененное выражение ее восклицания. Как друг, он хотел бы, чтобы добрая Мазда считала его ищущим особой формы благодати; и он умолял Его восполнить его крайней нужду, научая его не только ценности стад и последователей, но и той истине, которая лежала глубже, чем материальное богатство.

3. И поэтому он продолжает: «Научите меня и расскажите мне об этих великих мыслях, «хратаво», планах спасения Спасителей, о которых в других местах говорится как о «храту» жизни; ибо эти спасающие помощники, пройдя жестокую схватку и после многих неудач, в конце концов, приведут к «Завершенному развитию».

4. Но он должен пробудиться от облегчения и снисхождения к своему горю, поэтому он приступает к действию, и с воплем, который слышим в других местах и который, по всей вероятности, часто произносился в гимнах, ныне утраченных, он призывает вознаградить вождя, который во главе своих слуг изгонит разрушителя мира, «дуссасти», от власти и жизни. И что это за награда? Кажется, это просто признание и подтверждение заслуг среди верующих. Человек, который изгонит или уничтожит тирана-еретика, должен прославиться признанием его заслуг в поддержке людей и их священной земледельческой страны. Это должно было быть достаточной наградой, и даже это должно было быть возвращен Богу в качестве приношения для дальнейшего служения.

5. И каждого праведного чиновника призывают повторять воззвание в качестве предупреждения каждому оскверненному поклоннику Даева, которого он может обнаружить или до которого может дойти его голос, а также тем тайным приверженцам, которые, казалось бы, нуждаются в ободрении. Чиновник должен атаковать противника только после тщательного различения. Он должен подойти к злому вождю, враждебному «hvaetu», и в отличие от низшего дворянина или крестьянина, он должен полностью рассказать ему о цене, назначенной за его голову.

6. «И надзиратель, имеющий власть, но не исполняющий таким образом этих указаний, сам будет предан в узы того „демона Лжи“, которому служит злой „родственник“. Ибо в дуалистическом нравственном уставе нет соглашения. Тот, кто благоволит злу, подобен злу, и друг добра подобен самому добру; так повелел Господь».

7. Затем, как это часто бывает в других местах, он обращает свои мысли к внешнему символу как к знаку внутренней благодати, к священному Огню, без которого у обрядов не было бы никакой помощи, чтобы устремить взгляд или поклониться, и он спрашивает вопросом глубокой преданности: «Кого они поставили мне, как укрепителя в этих бурях, кроме Тебя и Твоего символического пламени?». Но даже здесь он называет с ними Добрый Разум и Порядок.

8. «Но, – продолжает он, – пусть тот, кто разрушит мое поселение, обнаружит, что все влияние и сила соединились для его гибели; пусть все удерживает его от процветания, и пусть ничто не удерживает его от беды».

9. Таким образом, он призывает ведущего помощника, который может помочь ему возвеличить Ахуру не только в празднованиях, но и во всеобщем продвижении священного «дела», которое следует за «примирением» Ахуры.

10. Словно для того, чтобы предотвратить разочарование тех, кто слышит его собственное излияние горя, он заявляет, что никогда не оставит тех немногих верных, которые следуют за ним; он пойдет с ними на самую «ужасную проверку», словно чтобы помочь им пройти последнее из испытаний.

11. Но «нечестивые», явные или скрытые, не должны разделять этих надежд; их совесть, всегда безжалостный палач, проклянет их, когда они попытаются пройти «Мост Суда»; и сброшенные с этого узкого пути, они попадут в «вечный» ад.

12. Их уничтожение, однако, еще не решено; есть надежда не только для соплеменников Ахуры, но и для язычника, и не только для «чужого», но и для туранского врага, само имя которого было синонимом страдания. Если даже они покаются, они могут быть благословлены; а некоторые уже обратились. Обращенное племя Фриана (Fryâna) предложило много благочестивых прозелитов. Они будут помогать в праведном порядке вместе со святым народом, и Бог будет обитать с ними.

13. Риторически называя себя в третьем лице или же представляя какого-либо второго оратора, назвавшего его имя, он все же может предложить свою награду всякому государю, который все-таки придет со своими слугами на его сторону, не сдерживаемый многими отказами, с которыми он столкнулся, ни разочарованием из-за скудного числа его отрядов; и эта награда еще может быть действенной, чтобы побудить к самоотверженной помощи, ибо в дополнение к тому, что было сказано, он мог объявить духовную жизнь от Ахуры уделом каждого верного последователя, а вместе с ней и будущее богатство. И он должен объявить этого истинного рекрута хорошим товарищем по службе.

14. Здесь имеем то, что кажется вопросом, произнесенным кем-то из толпы или просто риторически брошенным: «Кто этот друг, этот могущественный помощник, которому предлагается такая награда и за такую услугу?» Заратустра называет царя. Но он отвлекает умы слушателей от пагубного доверия к личностям. Он апеллировал бы, как он подразумевает, не только к одному человеку, хотя бы это был Вистаспа, но ко всем, кого Ахура признал бы в Своем собрании.

15. И сначала он обращается к группе, состоящей главным образом из его семьи, Спитамов; они были, как он подразумевал, просвещены в священных знаниях и, следовательно, были одними из самых выдающихся Ар (э) дры (Ar (e) dra).

16. Затем он призывает Фрашаостру вместе с Хвогвами, увещевая всех продолжать свой праведный путь, в согласии с теми, кого они желают видеть в качестве Спасителей для земли, уверяя их, что они наконец достигнут того священного места, где «Бессмертные» пребывают с Богом.

17. «Та сцена, – добавляет он далее, – где верующие в совершенстве воспевают свои хвалы, используя истинные размеры». И он заявляет, что Ахура, который безошибочно различает истину, прислушается и ответит; ибо хвалы будут воспеты теми послушными людьми, которые приносят пользу делу.

18. Он еще раз протягивает свои духовные награды как лучшие дары вдохновенного откровения, угрожая, как обычно, соразмерным посещением угнетающих племен, в то время как и обещания, и угрозы находятся в гармонии с волей Ахуры, ибо он только был его проводником в каждом утверждении.

19. После всех жалоб, и угроз, и строгих предписаний он заканчивает еще раз повторенным словом «награда», и это для каждого человека, который поможет «его великому делу», и он призывает Самому Богу, утверждая, что Он вдохновлен всем, что Он сказал.

Гата Спента Майнью Ясна 47

Здесь сохранились только части более обширного произведения. Хотя присутствуют некоторые признаки авторства, помимо Заратуштры, позднейшие стихи вовсе не далеки от Заратустрийских стихов и поэтому представляют такой же интерес.

1. Спента-маинью (*Spentâ mainuyî*) здесь не тождественен Ахуре, но, как это часто бывает, является Его духом. Более чем возможно, что применение слова «спента» к семи, дающее нам Амешёспенды (*Ameshôspends*), Амшаспанды (*Amshaspands*) в литературе, происходит от первого стиха, находящегося здесь или от утерянных стихов подобного характера. Все семеро кажутся намеренно и искусственно сгруппированными, хотя «Его Дух», конечно, не входит в их число. Посредством этого Его внутреннего Духа, посредством этого благословенного духа, то есть в соответствии со своими сокровенными мыслями, Ахура наделяет даром святого, того, кто производит наилучшие результаты для Заратуштры, Рату и пророка. И этот дар провозглашается двумя неразделимыми, Счастьем в каждом конкретном случае, а затем и продолжением этого Счастья в Бессмертии. И их Он дарует не Своим непосредственным действием, которое ни один человеческий разум или восприимчивость не могут воспринять без постоянной помощи, но Своей особенно явленной Добротой, Своим Наилучшим Умом, как Своим представителем, в соответствии с Его планом Порядка и Чистоты, проникающим каждое нравственное, а также каждое духовное предписание и посредством проявления Своей Царской Силы, посланного как «архангел» Кшатра, по практическому благочестию называемая Арама-ити, дочерью Ахуры (готовый ум) и воплощенное в государственном устройстве священного Заратустрийского государства, что оказывало влияние на все, общественные и внутренние его отношения. Такое откровение составных частей разума и воли Божества простейший народ мог понять на текущее время; но, само собой разумеется, вскоре все должно было зарости сорняками суеверий и мифов.

2. Вдаваясь в детали и варьируя выражения, автор молится о том, чтобы Ахура мог превратить в жизнь Свой святой замысел домашним благочестием, а также проповедуемыми словами Благого Разума из уст и языка верующих. Так и только так Он станет Отцом Аши, божественного Порядка, а также нравственных и обрядовых правил среди людей.

3. От рассуждений о Боге он, как это часто бывает, переходит к обращению к Нему. Этот Дух принадлежит Ахуре, ибо Он Тот, Кто делает его щедрым; Он щедрый Тот, кто создал священную Корову, эмблему и субстанцию «радости», представляющую одновременно имущество святых людей и самих этих людей. И именно Он, в ответ на ее плач, раскинул для нее луга «благочестия», как это было решено на совещаниях, проведенных от ее имени.

4. И этот «Дух», как и следовало ожидать, не ограничивает свое внимание вдохновением одного только Благочестия. Справедливость Мазды восторжествовала. Нечестивые страдают под его влиянием длительными ранами за свои грехи и за их предпочтение людей с плохим и нечестным характером, а также еретической верой.

5. Но он выражает уверенность, что Ахура Мазда, в конце концов, все уладит. Он, в отличие от только что упомянутых лиц, даст «ашавану» не только «касу, но и пару» (не скудную долю, а полноту) всего наилучшего, в то время как «другвант и ака», неверующие и нечестивые, хотя они могут быть «*isvanô*», преуспевающими, могут только вкушать наслаждения своим богатством в отрыве от Бога и, следовательно, испорчены. Пока они следуют своему обычному пути, они живут в действиях, вдохновленных не щедрым духом, а Злым Разумом.

6. Но, как всегда, нравственные воззвания и хвалебные воззвания, какими бы возвышенными они ни были, не остаются без поддержки и служения обряда. Бог даст эти дары и все самое лучшее, но в связи со Своим Огнем, переданным этим борющимся сторонам, верующим

и неверным, через увеличение Его Благочестия; ибо это благочестие, как всегда наставница, обратит всех, кто приходит к ней и ищет ее света. Более того, она заставит всех живущих выбирать и верить в Бога.

Ясна 48

Эта глава естественным образом делится на разделы.

1. Очевидно, идет борьба, такая же, как та, на которую не раз намекают, путем подстрекательства; ожидалась вооруженная борьба, с тревожным ожиданием, в смысле победы или поражения. Святой, то есть благочестивый приверженец Священного Порядка, каким бы ни был результат предварительных боев, ободрится видением конца.

2. Но обремененный поклонник жаждет еще большего утешения перед тем, как бури битвы снова обрушатся на него.

3. Ибо как мало ценны заверения Ахуры для еретика, для человека, понимающего истинные отношения, то, что Ахура провозглашает через Своих вдохновенных пророков, тайных вестников, это лучше всего.

4. И всякий, кто надеется на духовный рост и чистоту, должен обратить свой разум к этому слову Божества и верно следовать его учениям, и так, наконец, исчезнут его страхи, ибо исчезнут его сомнения. Он поймет, как научил Господь.

5. Этот стих кажется молитвой к Арамаити; когда долгая борьба увенчается успехом и победит та или иная группа, пусть она не станет злым союзом со своим монархом. Ибо, если правительство установлено и осуществляется со всей предписанной обрядовой и нравственной точностью мудрого Кисти (Чести); если люди, трудящиеся ради священной Коровы, и добродетелью тех, кто возделывает ее, держат бразды правления и могут таким образом подавлять грабительские набеги на беззащитных и безобидных жертв, то никакой дар Ахура, не может рассматриваться как большее или столь же великое благословение, как правильная Власть и Порядок Веры.

6. Ибо эта священная корова, как уже часто подразумевалось или утверждалось, была всем для благочестивого поклонника. Именно она, представлявшая все богатство стадами, одна могла поддерживать семейную жизнь счастливого труда. И именно по этой причине Ахура изначально заставил траву расти для ее поддержки.

7. Призывая к свержению духа Рапина в соответствии с жалобой Коровы, он призывает вооруженные массы к мощной и наступательной доблести.

8. Затем он страстно, хотя и только риторически, спрашивает, как он может использовать надлежащие молитвы, чтобы сплотить необходимых помощников среди вождей для продолжения борьбы.

9. Снова он издает вопль об облегчении своего ожидания и мольбе о свете относительно наград, которые касались этой жизни не ради нее самой; но которые были духовными благословениями, полученными здесь при подготовке к духовному миру.

10. «Когда, – повторяет он как один из четырехкратно повторяемых подобных вопросов, – когда появятся лучшие люди, чьи продуманные планы прогонят отсюда нечистые замыслы лжесвященников и тиранов?

11. И когда явится Арамаити, добрая благочестивость дома, та, что, подобно земле, расстилает пастбища для мирных коров, когда она явится со святой Кшатрой, олицетворенной Властью Бог над домом и государством, без которого анархия, такая же ужасная, как анархия Злой Власти, могла бы продолжаться или возобновляться; и кто был вождь-защитник, который даст им мир через кровь? Одним словом, к кому, как к помощникам такого вождя, придет свет разума и истинная вера, чтобы вдохновлять и направлять их?

12. Существует только один единственный отряд человеческих бойцов, которых он, таким образом, противопоставит этому демону яростного хищения, на которого зло с их стороны при их первом сотворении устремилось, как на их вождя, это спасительные Саошьянты, наместники Бессмертных на земле, верующие князья Вистаспа, Гамаспа, Фрашаостра, и с ними, как величайший из всех, тот, кто, с большой долей вероятности, был говорящим в отрывке, то есть Рату, назначенный Ахурой для скота и людей, Заратустра Спитама в другом месте и позже названный с преувеличением первым земледельцем, воином и жрецом.

Ясна 49

Глава естественным образом делится на разделы. Стих 12 относится к главе 50. Похоже, что одна из битв за святое дело пошла против партии Аши.

1. Пограничный вождь по имени Бендва (Bendva) показал себя слишком грозным на тот момент, и святая Вера знает, как молить о мести вооруженному наркопоклоннику (Drûg-worshipper). Оружие Ахуры было не только духовным. Смерти вооруженного религиозного врага зороастрийцам следовало искренне желать по всем причинам.

2. Судебные, а также священнические решения зависели от этого вопроса. И у Бендва были свои сотрудники и своя система, и они были в полной и активной работе. И это была, несомненно, соперничающая и устоявшаяся система, а не только возникшая повстанческая. Это вызвало у пророка много часов размышлений, а также гнев. Его сотрудники дали ему паузу. «Сам жрец-судья, служивший наркопоклонникам, был мошенником». «Священный Порядок был его врагом, а не помощником». И он вовсе не содействовал распространению Благочестия, как его понимали зороастрийцы, да и не в каком-то ином смысле, потому что он даже отверг источник благочестивой мудрости, который есть святой совет.

3. Но, тем не менее, злые сотрудники могли прибегнуть к уловкам и стратегии. Сами противоборствующие силы, Праведный Порядок с одной стороны и сила демона Лжи с другой, были внедрены в противоборствующие системы с дуалистической ясностью, чтобы принести пользу или навредить. Согласия не было, чего, несомненно, желала партия «наркотиков» (Друга). И поэтому поэт снова призывает к божественной Благости, чтобы быть ее хранителем; или, возможно, он мог иметь в виду определенного вождя, который представлял Добрый Разум, в то же время он сместил всю толпу и общины, которые придерживались демона Лжи, своим запрещением, прочь от его внимания.

4. Он объявляет их тесно связанными с поклонниками даэвов, или же он ставит их поклонение даевам на первое место как их величайшее оскорбление, не упуская возможности указать, что должно всегда примирять с ним сочувствие; то есть те, кто привели даэвов и выступили против Аши, были приверженцами Рапины; поскольку смертоносный грабеж, по видимому, был всеобщим грехом, помимо Аши. Таким образом, эти даэвопоклонники получили украденные средства к существованию и тратили свои нечестно заработанные средства на праздное расточительство.

5. Но тот, кто защищал святую Даэну (Daêna), был для народа пищей и питьем, мудрым и верным, как оседлый житель, обученный обычаям святого Государства.

6. Поэтому он еще раз молится о правильном различении того, как он может распространять Веру.

7. И он призывает стойкого гражданина слушать, умоляя Самого Бога дать ухо и сказать ему, кто может быть верным князем, или вождем, или сельским жителем, который может взять на себя инициативу в раздаче этой святой Даэны.

8. Но он задает вопрос, как будто только для того, чтобы подчеркнуть, что он называет вождя и почитаемого друга. Фрашаостра – тот, кто способен слушать, способен провозглашать истину. И он умоляет, чтобы они оба могли прочно занять видное место в том святом Цар-

стве, которое должно было противодействовать развращенной власти, вождем которой на данный момент одержал верх.

9. Но дело настолько неясно и нерешенно, что он еще раз взывает о помощи к самому идеальному жителю, опасаясь, как бы он еще не был склонен разделить власть с еретиком, и все еще заявляет, что человеческие души могут достичь награды приоритета только через святой Порядок Ахуры и правителей по Его выбору.

10. Поэтому он доверяет результат Ахуре, а вместе с ним и своим подчиненным, живым и мертвым. И его мысли, обращенные к небу, также возвращаются к будущему возмездию. Те, кто колеблется, наполовину склонен примкнуть к противоположной стороне, предостерегаются словами особого значения. Те, кто выбирает злого государя, «дуссасти», или как «шастары», не пойдут со святыми в «Кинват», и их совесть не встретит под приятными образами, а затем души святых, которые ушли раньше, но их встретят нечестивые мертвецы в «доме Лжи», с отравленной пищей и насмешливыми словами. И это будет их мстостью самому себе.

Ясна 50

Самым поразительным обстоятельством здесь, является шестой стих. В этом стихе имеем Заратустру, названного не одним, что легко согласуется с его личным авторством, и не только такие выражения, как «Заратустре и нам», но мы имеем Заратустру, названного как, «пусть он провозгласит мои правила», которые могли быть произнесены без фигуральной речи только кем-то вышестоящим. Если это так, то все «Гаты», конечно, были написаны им, иначе их стиль и характер можно считать такими, что они могли быть составлены четырьмя или пятью тесно связанными личностями. Но «Гаты» нельзя рассматривать как произведение нескольких разных авторов. Это работа одного человека. Итак, если настоящий раздел, особенно оригинальный по своему тону, был не от Заратустры, то человек, чье сердце и душа и, мы можем добавить, чья сила заключались в зороастризме, был не Заратустрой, а какой-то неназванный индивидуум, гораздо более важный. Известность имени Заратустры была в этом случае исключительно обязана личной деятельности Заратустры, поддерживаемой общественным положением Спитамов. В таком случае настоящим автором зороастризма был вовсе не Заратустра; сравните «с Заратустрой и с нами»; с «с Вистаспой и со мной»: ни Фрашаострой; сравните «с Фрашаострой и с нами»; и мы также можем сказать, что это не Гамаспа, ибо к нему обращаются в звательном падеже. Он был умственно и личностно выше всех их. На самом деле он был силой и за тронем, и за домом, и все же без имени! Возможно ли, чтобы основатель религии назвал бы другого избранником Божьим, если бы он на самом деле не считался таким выдающимся? Или, если бы популярный и искренне восторженный автор собирался петь гимн на собрании, неужели он назвал бы воодушевленной толпе человека, которого они сами не считали душой своей веры? Это вообще не вероятно. Но если Заратустра имел ведущее имя и сочинил часть гимнов вместе со своими потерянными товарищами, то вероятно ли, что он не обладал в этом отношении решительной известностью над Вистаспой, Фрашаострой и Гамаспой? Разве не было поэта, который составил стихи, господствуя своим влиянием над теми, кто добавлял части тут и там, или было четверо провидцев, четыре Заратустры, как можно было бы сказать? Как уже говорили, это решают гимны. В них душа одного человека, как чувства автора в его сочинениях или чувства мастера в строках его учеников. Но если была одна фигура вместо четырех, и он упоминается как Заратустра во многих частях «Гат», а также известно, что он был автором почти всех из них, то, как можно объяснить слова: «Пусть он, Заратустра, учит или провозглашает мои правила?». Поэтому можно только повторить об этом стихе, как и о других, которые ставят подобные вопросы, что это совершенно оригинальное произведение было составлено Заратустрой как наиболее выдающейся личностью, и что эти стихи были просто риторически вложены в уста монарха из-за остроты стиля. И что Вистаспа

должен был говорить их, потому что в присутствии Заратустры крайне маловероятно, чтобы кто-либо, кроме главы государства, мог быть представлен как говорящий о Заратустре: «махья разенг сахит».

1. Он начинает с вопросов, после предполагаемых молитв, в которых он предвидит проблемы в вооруженной борьбе, так и теперь, после того, как враждебный вождь взял верх, он еще раз выкрикивает вопросительные слова, произнося вопросы не из любопытства, а из горестной преданности. «Буря разразилась над нами, – как бы говорил он, – и я молил о благодати, чтобы узнать, как мы можем управлять всемогущим средством помощи, Даена, в которой Твоя Установлен Праведный Порядок. Я взывал к Тебе как к главе и равному, называя Фрашаостру, Гамаспу и Яхина, и теперь, когда я взываю к Тебе, молясь о том, что в твоём выборе является лучшим, я более чем когда-либо заявляю, что у меня нет никакой другой помощи, кроме Тебя и Твоего спасительного Порядка».

2. И он еще раз спрашивает, как тот, кто стремится развивать священные стада, как символ нравственной бережливости областей, должен действовать в назначенной ему работе.

3. Отвечая на свой вопрос, он говорит, что это наступление на врага; он заявляет, что героический поселенец, доводящий священную систему до крайней границы священной земли или еще дальше, был человеком, «получившим корову» для ищущего пророка.

4. Но среди сражений он предвосхищает Гародмана с его похвалами.

5. Ибо все они были приготовлены как для поклонения, так и для работы, так как Бог приблизился, чтобы помочь Своему пророку, ободряя Его обескураженный дух.

6. Здесь Вистаспа представлен вмешивающимся; и он обращается к Ахуре буквально, а к Заратустре в действительности, косвенно увещая его продолжать свою работу по распространению, не смущаясь нынешними обстоятельствами.

7. И вместе с Заратустрой он вновь привлёк бы других могущественных помощников, которых он запряг бы как коней, чтобы заслужить славу Бога на Небесах, благополучно пройдя через каждый мост испытаний.

8. Услышав от Заратустры его слова, он приблизится с ними к молитве, «с простертыми руками» с почтением и с силой.

9. И он стремится достичь цели своих молитв самообладанием и верными действиями.

10. Его усилия соперничают с небесными телами в их восхвалении Бога.

11. Поэтому он будет настойчив, и как восхваляющий царь; и он умоляет, чтобы Ахура, податель жизни, помог во всепоглощающем деле.

Гата Воху Кхшатрем Ясна 51

Эта «Гата» состоит из единственной главы 51. Вряд ли имеем здесь непрерывное целое. Мысли, однако, достаточно хорошо гармонируют, и изменения доставляют мало хлопот.

1. Как это часто бывает, верховная власть Ахуры, Его власть над сердцами и умами Его верных поклонников является ведущей темой. Эта Власть, когда она будет установлена, будет производить с собой все хорошее и подавлять все зло, и автор молится о том, чтобы он никогда не останавливался в любой момент в своих усилиях установить это царство.

2. Соответственно, как наиважнейшая из целей, он умоляет как о его благословении, так и о его защите, и называет Арамаити особым представителем Ахуры в этом случае, чтобы даровать Царство как Царство, основанное на духовном богатстве.

3. Дух Даена открыт и пророчен, а не скрыт и загадочен. Поэтому люди собираются, чтобы послушать чтение «Гат», и, тем более, что Матры провозглашаются результатом прямого вдохновения Ахуры.

4. Нынешние выразительные чтения стихов являются призывами к четырем заряжающим мощью Бессмертным, Руководящему Порядку, Активному Благодетелю, вдохновляющей Доброте и Могущественному Царству, и, используя эти имена, множество людей также умоляют голосом их представителя Рату, о котором Саошьянт взывал к Коовам, искал сам Аша и обещал Ахура.

5. И мужчины, которые настаивают на этой молитве, каждый из них на мгновение подобен самому Рату. Мудрый в своем почтении, он стремится приобрести скот, как идеальный земледелец, и как собственность, и как символ, и он желает установить Рату, понимаемого как личность или как закон, который может судить между двумя сторонами, и, изгнанием зла, дать покой земле.

6. Объявляя Ахуру дарителем высшего добра и глубочайшего зла,

(7) он призывает Его даровать «вечных двоих», вознаграждающих Бессмертных, но только посредством вдохновенного учения.

8. А так как эти внушения действительны для него самого, то он будет объявлять их угрозы и обещания другим, получая воздаяние за свою ревностную верность в самом действии.

9. Вспоминая надежды на месть, он умоляет Ахуру дать знак или инструмент священного Огня, который может разрешить споры кованым клинком правосудия.

10. Ибо он заявляет, что человек, жестоко нападающий на своих приверженцев в противоположных интересах, изначально извращен в своих мотивах, является сыном Лжи и семени Акомана (Akōman).

11. Хотя на словах он обращается к Ахуре, в действительности он бросает вызов преданности вождям, так как громко взывает к Божеству.

12. Здесь повествуется об искушении Заратустры, как и в «Вендидаде», то о его юности, то о его зрелости. Но стих показывает заметные признаки более позднего возраста.

13. И ободряется душа праведника записанным примером; он выйдет победителем, как это сделал Заратустра.

14. Но карпаны (Karpanas) (жреческие начальники?) противоположной стороны, вслед за типичным разрушителем, приведут мир к гибели, а творения в Ад.

15. Однако истинные ученики непременно получают обещанное воздаяние.

16. А что касается того Кисти (Чести), задуманного Маздой, чтобы дать спасительное знание в священном стихе, то его приобрел Царь Царства. Оно будет храниться в памяти верных священников под его опекой и управлением; и он будет давать своим подданным соответствию с ним хорошее поклонение.

17. Святая женщина, также прославленная по сану, прославляется почетным упоминанием; она как бы Кисти (Чести) в своем лице, как ее называют в связи с этим.

18. Другой преданный друг приковывает взгляд оратора, когда он стоит в собрании.

20. Затем, как бы охватывая все своим взглядом и выражением, отождествляя себя с людьми, он заявляет, что «Архангелы» единодушны с Маздой в даровании духовных благословений, главным из которых являются вдохновенные слова, источник их правил и проводник их надежд.

21. И с заверениями относительно величия духовных благословений, подразумеваемых во всем, что он сказал, он еще усерднее молит Ахуру даровать их Своим избранным.

22. И он провозглашает, что Ахура знает и наблюдает за человеком, который исполняет каждый приказ, которую он изрек, а также верит каждому учению, которое он обнародовал, и что, зная Его, Он также отмечает Его как объект Своей благодати. И заканчивает он тем, что еще раз выражает свое желание приблизиться к Щедрым Бессмертным, не называя их одних, но, называя их, как мы вполне можем предположить, с полным пониманием всего того, что подразумевается под священными словами, которые принадлежат им как именам.

Ясна 52

Глава 52 «Ясны», находится между «Гатами», но не входит в их состав.

Гата Вахиста Истис

Ясна 53

Эта «Гата», названная по ее первым словам, состоит из главы 53 «Ясны». Хотя ее содержание однородно с содержанием других «Гат», в ней есть некоторые свидетельства того, что она было составлена в последний период жизни Заратуштры. Стиль во всем отличается свежестью и энергией и указывает на влияние Заратуштры, если не на авторство. То, что Заратуштра говорит не от первого лица, не имеет никакого значения в этом вопросе. Глава, не являясь целой; но это вполне может быть целое произведение, из которого выпали части. Брачное празднество ребенка Заратуштры должно было быть, хотя и непреднамеренно, политическим поводом, и автор так же естественно высказался по поводу борьбы, которая все еще продолжалась.

1. Поскольку целью «великого дела» наряду с сохранением его сторонников было распространение его влияния сначала на колеблющихся, а затем на всех живых, неудивительно, что главная молитва Заратуштры завершилась желанием обращения противников. Известно, что даже туранцы перешли к святой вере и помогли процветать поселениям, которые их родные так часто грабили; поэтому он молился о том, чтобы те, кто до сих пор оскорблял святую Даену, могли стать ее учениками путем подлинного обращения.

2. Увидев верность новообращенных и первоначальных учеников, царь и его вельможи прославляли их благочестие гимнами, обрядами и жертвоприношениями как символами каждой нравственной добродетели, устанавливая для народа нравственный закон Спасителя.

3. Лучше согласиться с потерей стихов и предположить женихом человека, который если и не был настолько выдающимся, чтобы заслужить внушительное имя Саошьянта, то был, по крайней мере, одним из его наиболее выдающихся спутников, ибо древний поэт продолжает обращаться к дочери Заратуштры как к невесте. Она самая младшая, и имя благочестивое, ибо ее называют «исполненной знаний веры». Ее муж должен быть опорой в святости, и она должна принимать советы с благочестием.

4. Ее ответ уместен; она будет соперничать со своим мужем во всех священных чувствах, а также во всех домашних добродетелях.

5. Затем жрец обращается к подружкам невесты и паре с соответствующими увещеваниями о благочестии и привязанности.

6. Обращаясь теперь к собранию, он переходит к предупреждениям и ободрениям. Он изгонит Демона, который, прежде всего, был рабом Даево; но он предостерегает всех мужчин и женщин от злого Ваю, духа воздуха.

7. Снисходительно заключая, что они выйдут победителями из ожидавших их испытаний, он далее предостерегает их от всякого подстрекательства к пороку.

8. Назвав нечестивых Демонов, его рвение полностью воспламеняется. С яростным восторгом, предвидя страдания нечестивых, он страстно призывает защитника, который может в союзе с соседними властителями выдать смертоносного лже-вождя, даруя мир; и он умоляет, чтобы это могло быть спешно использовано.

9. Чтобы пробудить великих вождей к их долгу, он напоминает об успехах врага; и он призывает князя, который может свергнуть и изгнать его, но, как бы хорошо зная, что человеческая рука не может одна принести спасение, он приписывает Ахуре Верховную Силу, которая одна может охранять беспомощную невинность от незаконного грабежа и угнетения.

Ясна 54

Глава 54 «Ясны», написанная на языке «Гат», завершает их, но не входит в их состав.

Гаты. The Gathas. (Ясна 28—34, 43—51, 53)

Гата Ахунаваити. The Gatha Ayunavaiti

Молитвы, главное о благодати и о словах откровения. Prayers chiefly for grace and for the words of revelation. Ясна 28

1. (Укрепляющее благословение мысль, благословение слово, благословение деяние праведного Заратуштры. Да примут Щедрые Бессмертные и помогут на песнопениях (схватят песнопения). Поклонение вам, о священные Гаты!)

2. С почитанием (желанием) сего (дара) благодатной помощи, о Мазда, и простирая руки (к Тебе), молю о первом (благословении) (Твоего) щедрого Духа; (то есть я умоляю Тебя, чтобы мои) действия (по отношению) ко всем (могли совершаться) в (Божественной) Праведности; и с этим я прошу у Тебя понимания Твоего Благожелательного Разума, чтобы я мог умиливать Душу Коров (наших стад и людей, которые так горько взывают к Тебе).

3. И посему, о Великий Творец, Живой Господь! (вдохновленный) Твоим Благожелательным Умом, я обращаюсь к Тебе (и умоляю Тебя) даровать мне (как щедрый дар) для обоих миров, телесного и (для этого) ума, те достижения, которые должны быть происходят от (Божественной) Праведности, и посредством которой (эта олицетворенная Праведность внутри нас) может ввести тех, кто является ее получателями, в блаженство и славу!

4. О (ты, Божественная) Праведность, и ты, Благожелательный Разум (Божества)! Я буду поклоняться тебе и Ахура Мазде первому, для всех из которых Благочестивый готовый ум (внутри нас) есть, придет на мои призывы дать благодать) побуждающий к продвижению нетленного Царства. (И пока я таким образом возношу свои мольбы к Тебе), придите на мои призывы помочь!

5. (Да, я приду к Тебе с моими мольбами, я), кто предаю (мой) разум и душу той (небесной) горе (куда все искупленные, наконец, должны пройти), зная (вполне хорошо) святые характеристики и награды (церемониальных и моральных) действий (предписанных) Ахура Маздой. (И) до тех пор, пока я могу и могу иметь силу, до тех пор я буду учить (Ваших людей об этих святых делах, которые они должны совершать с верой к Богу, и) в желании (для прихода) (Божественная) Праведность (в их душах).

6. И ты, Праведность! когда же я увижу (тебя, знающего Благой Разум (Бога), и, прежде всего олицетворенного) Послушание (нашей жизни, которая составляет) путь к благодетельнейшему Ахура Мазде. (Прося сего, так умоляю тебя, ибо) этим святым словом моления мы более всего удерживаем языком плотоядных бесов, (самое знамение и силу всякой духовной нечистоты)!

7. И Ты, Господи, Великий Творец! приди ко мне с Твоим добрым разумом; и Ты, раздающий дары через Твою праведность, даруй нам такую же вечную жизнь. И (чтобы эта жизнь была прожита правильно, соверши) Ты посредством Твоих высоких слов (даруй) (нужную) могучую духовную помощь Заратустре и нам, которыми мы можем преодолеть (победить врага) муки мучителя.

8. (И) ты, о (Божественная) Праведность, даруй (мне) то священное благословение, которое состоит из достижений Доброго Разума (внутри моей души); и ты поступай также, о Благочестие! даруй Вистаспе и мне наше желание; (да) можешь ли Ты даровать (нам), о Мазда,

правителя (как Ты есть! эту милость), благодаря чему мы можем слышать (с пониманием) Твои милостивые слова.

9. Лучшего (из даров поэтому) я прошу (Тебя), о Ты лучший (из существ) Ахура! кто единоволен с (Твоей Божественной) Праведностью (также и внутри нас), лучшими (из духов), желающими этого (как и я теперь) для (героического) человека Фрашаостры, и для меня, на которых также да даруешь его (не на одно время), но на все века Твоего Благого Ума (того царствования Твоего Благоволения, которое будет для нас, как Небеса)!

10. И (впечатленные и тронутые) этими дарами укрепляющей благодати (которые Ты можешь дать в ответ на эти молитвы) да никогда мы не гневим Тебя, о Ахура Мазда! (ни Твоей) Праведности (внутри нас), ни Твоего Доброго Ума (по отношению к нам), поскольку мы самым искренним образом приложили усилия (помогая продвигать Твое дело) в (воспевании) приношения Твоих восхвалений, чтобы легче всего было призываются (вы). (Воистину, у вас есть и то, и другое) желание (духовных) благословений (для нас) и (Божественное) обладание (их силой).

11. И потому Ты, Господи, Великий Творец! наполни и удовлетвори (моё) желание этими достижениями (по милости) Твоего Благого Ума, которые, как Ты знаешь, происходят от Праведности, (и) которые (воистину) возвышенны (праведник), ибо я познал (получаю) Твои наставления никогда не быть лишенными их влияния (в борьбе) на нашу (ежедневную) пищу и, следовательно, достойные объекты желания.

12. (Да, я обращаюсь к Тебе со своими молитвами, я), кто этими (великими дарами благодати) защитит ((Твою) Божественную Праведность и (Твой) Добрый Разум внутри нас) навеки. Так и ты, о Ахура Мазда! научи меня от Себя, да, из Твоих собственных уст духа, чтобы я мог возвестить (этим Твоим ожидающим людям), какими (силами и согласно каким законам) возник первобытный мир!

Примечания:

28.

1. «Щедрые Бессмертные». Амешоспенды упоминаются в этом тексте. В самих Гатах имя «Щедрые, Изобилие Бессмертных» не встречается.

«Поклонение вам, о священные Гаты!» Этот текст не является частью Гат. Однако на гатском диалекте, и, поскольку его не нужно или, возможно, нельзя считать преднамеренной имитацией, он должен быть очень старым.

2. Ахура вне всякого сомнения упоминается в других местах как «самый щедрый Дух». Что касается перевода «щедрый», то может «святейший». Ашаван не может означать здесь «праведный», но должен означать «святой». Единственные этимологические основы значения «святой» представлены литовским и церковно-славянским языком, в концепциях Авесты то, что увеличивает царство Ахуры, равно тому, что свято. Следовательно, слово «изобильный» следует понимать в особом смысле, чтобы его можно было передать словами «милостивый, священный».

3. «олицетворенная Праведность». Вариант: «можно представить Праведность».

4. «Благочестивый готовый ум (внутри нас) есть». Вариант: «Пусть благочестие, дарующее умножение (женское причастие)».

«Придите на мои призывы помочь!». Вариант: «Когда я буду вашим, о ашавахист и вохуман! первый, также Аухармазда [своим я буду], благодаря неослабленному приобретению которого его власть над ними существует, и [её я также буду], Спендармада, подателя приращения. Она приходит ко мне с радостью, когда я взываю к ней [когда я призову вас, идите ко мне с радостью]».

5. Гора Альборг (Alborg), где проходит мост Кинват (Kinvat); но можно прочесть «mengairê» = «mangairê» (Garôdman).

Перевод Пехлеви:

«Тот, кто отдает свою душу в Гародмане, делает это с помощью Вохумана, а также разумен в отношении почитания, которое принадлежит творцам добрых дел в том, что является [верой] Аухармазда; пока я проситель и имею [силу, до тех пор я внушаю желание Праведности, которое есть долг и добрые дела]».

6. «Послушание (нашей жизни, которая составляет) путь». Перевод Пехлеви: «знание престола Ахуры». «Нахождение пути» встречается в риках, «gātu» не обязательно означает «место» в гатском языке, в зенде оно чаще всего имеет этот смысл.

«Этим святым словом моления мы более всего удерживаем». Вариант: «мы можем учить нечистых, оскверненных людей». Или «признайте величайшего с храфстра (убийственным) языком».

Перевод Пехлеви:

«О ашавахист! когда я увижу тебя? Я знаю это по средствам из наставления доброго ума [то есть, я вижу тебя в то время, когда каждый человек разумен, потому что он благочестив; но когда это будет?]. А место Аухармазда, когда увижу (увижу) его я, просящий благоденствия? Это место известно через Сроша, этот величайший из Матр должен быть обучен, дан языком тому, чье понимание запутано».

8. «Из достижений Доброго Разума (внутри моей души)». Добрый Разум, «Дух Божий» в уме Бога и снова Его Дух в человеческой душе.

Перевод Нерьосанга:

«Даруй, о Святость! эта преданность, которая (происходит) из приоритета Доброго Разума [то есть делает меня настолько религиозным, что процветание может произойти [мне из моего хорошего поведения]. Даруй совершенному разуму на земле или на земле желание, которое исходит от Густаспы и моего народа. Даруй хвалу, о великий мудрец! цари, которые могут быть возвестителями вашего слова и дающими распоряжения (для службы); [то есть, кто может учить твоему слову и делать его прогрессивным]».

9.

«Праведностью (также и внутри нас), лучшими». Самое раннее появление Аша Вахиста. Перевод Пехлеви: «Поскольку лучшее, что у Тебя есть [Твоя религия], лучше всего остального, лучшее благодаря праведности».

«Но на все века Твоего Благого Ума (того царствования Твоего Благоволения, которое будет для нас, как Небеса)!». Вариант: «В тысячелетнем обновлении, а также на небесах». Перевод Пехлеви: «для Фрашостара и учеников Фрашостара навеки, пока последнее тело не принесет пользу».

10.

«Укрепляющей благодати». Вариант: «да не прогневим ли мы вас своими молитвами об этих благословениях».

Перевод Пехлеви:

«Из-за не-пришествия к тебе, о Аухармазд! Я бы этого не сделал. Ашавахист также не буду болеть ради благословения; [то есть я не желаю ни единого благословения, которое кажется ашавахисту неудобным. Также Вохуман, превосходный [я его не беспокою]».

11.

«Наполни и удовлетвори (моё) желание». Вариант: «тем, кого ты видишь творениями (?), наполни желание достижениями».

Вой Коровы. Зов Заратустры. Его молитва о помощи. The wail of the Kine. The call of Zarathustra. His prayer for aid. Ясна 29

(Почтение вам, о Священные Гаты!)

1. К вам (О Ахура и Аша!) Душа коров (наших священных стад и народа) воззвала вслух: Для кого вы создали меня и кем вы создали меня? На меня обрушивается натиск гнева и насильственной силы, удар опустошения, дерзкой дерзости и (воровской, грабежа) мощи. У меня нет другого пастбища, кроме тебя, поэтому научи меня хорошей (пахоте) для полей (моя единственная надежда на благополучие)!

2. Говорит Ахура.

«На сие Творец Коров (святых стад) спросил у Праведности: Как (был) твой хранитель для Коров (назначен) тобой, когда, как имеющий власть (над всей ее судьбой), ты сделал ее? (Каким образом вы добыли) для нее, вместе с пастбищем, вождя скота, который был и опытным, и таким же энергичным? Кого вы избрали (какой господин-спаситель) в качестве ее (жизни) хозяина, который мог бы отбросить ярость нечестивых?»

3. Аша отвечает.

«Ему (Божественная Праведность) ответила своей святостью. (Велико было наше недоумение); вождь, способный нанести ответный удар (их ярость) и сам лишенный ненависти (нам было не достать); среди таких вещей не должны быть известны (таким существам, как мы) те вещи, которые являются влияниями, приближающимися (и движущимися) к высокому огню (открывающему благоволение и волю Бога). Из существ Он самый могущественный, кому те которые выполнили свои действия, приближаются с призывами. (Ему незачем спрашивать!)»

4. Заратустра вмешивается.

«Великий Творец (сам) больше всех помнит об изреченных указаниях, которые до сих пор исполнялись в деяниях демонов-богов и (добрых или злых) людей, и о тех, которые будут исполнены ими в будущем. Он Ахура – проницательный арбитр; да будет нам (людям) так, как Ему угодно!

5. Поэтому мы оба, моя душа и (душа) матери Коровы, (находимся) возносим наши мольбы о двух мирах к Ахуре, и с протянутыми в мольбе руками, когда (мы молимся Великий Творец с вопросами в нашем сомнении; (и Он ответит). Не праведной печени, не бережливому (земледельцу) да будет гибель вместе с нечестивым!»

6. Ахура.

«На сие так сказал Господь, Великий Творец, Который тайную благодать разумением (проницательность) Своим понимает. Не таким образом находится для нас духовный учитель, ни вождь, движимый Праведностью и назначенный (в ее духе); поэтому Тебя я назвал (главой) прилежному земледельцу!»

7. Амешоспенды.

«Мазда создал вдохновенное Слово Разума, которое является Матрой тука (для подношения), (Божественной) Праведностью, соглашающейся с Ним в его деянии. Пища, которую он приготовил для коров и для едоков, Он щедрый со своим (спасительным) учением; но кого Ты, наделил Добрым Разумом, кто может передать те (доктрины) из уст в уста смертным?»

8. Ахура.

«Этот человек найден для меня здесь, который один имеет внял нашим изречениям, Заратустра Спитама! Наши могущественные и завершенные акты благодати он желает объявить для нас, для (Меня), Великого Творца и для Праведности; а потому я дам ему хорошее жилище (и авторитетное место) того, кто говорит!»

9. Геус Урван (Geus Urvan).

«По этому поводу Душа коровы оплакивала (Горе мне), так как (я получил для себя) в моем ранении лорда, который бессилён исполнить (его) желание, (простой) голос слабого и малодушного человек, в то время как я желаю того, кто господствует над своей волей (и способен, как человек из королевского государства, привести к желаемому результату)».

Амешоспенд

«((Да,) когда же появится тот, кто может принести ей помощь сильную?)»

10. Заратустра.

«Делай, о Ахура, и ты, о Справедливость! даруй этим (нашим ученикам) радость и суверенное Царство (Божества), такое как (установлено) в (Его) Добром Разуме, посредством которого наделяют их мирными удобствами дома и тихим счастьем (в отличие от страшных разрушительных которые они терпят), ибо из них, о Великий Творец! Я когда-нибудь думал, что ты первый обладатель!»

11. И когда (Божественная) Праведность, Добрый Разум (Господа и Его) Суверенная Сила (придет) поспешив ко мне (чтобы дать мне силы для моей задачи и миссии), о Великий Творец, Живой Господь! (Ибо без него я не могу продвигаться вперед или выполнять свой труд.) Итак, теперь назначьте нам вашу помощь и в изобилии для нашего великого дела. Да будем мы (причастниками) обильной благодати этих равных вам (ваших советников и слуг)!

Примечания:

29.

1. Перевод Пехлеви:

«К вам взывала Коровья душа – жалуясь: Для кого вы меня сотворили? Кто меня сделал? Против меня нападение-грабеж, насилие-и, запустение- [удар], дерзость-наглость-и, (воровская) мощь-и (возможно изменить текст). Не для меня пастбищник, чем ты иной; поэтому научите-меня-вы-хорошему (вещам) для-пастбища».

3. «Кому те». Вариант: «к кому я приду с действием и призывом».

4. «Исполнялись в деяниях». Вариант: «Он сделал через Даево».

«в деяниях демонов-богов». Ахура помнил о том, что происходило в деяниях богов-даево, а не только в деяниях почитателей даево.

«исполнены ими». «Он сделает это с помощью даево и людей».

Дословный перевод:

«Мазда – слова, наиболее внимательные, которые были-исполнены до-посредством- (действий) Даево-и людей-и что-и (должно) -быть-сделано после, Он – различающий владыка; да будет с нами так, как Он изберет».

6.

«Тайную благодать». Вариант: «знание бедствия, которое нужно предотвратить».

Дословный перевод:

«Вслед за этим сказал Ахура Мазда, зная-чудесное (вещь) через проницательность (?) не таким образом найденный хозяин, ни правитель праведный-приказ-от-даже от, поэтому для тебя-бережливому-и-земледельцу -и (я) как создатель, которого я создал».

8.

Перевод Пехлеви:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.